

Ирина Гусева

НЕПРОШЕДШЕЕ ВРЕМЯ

18+

Ирина Гусева

Непрошедшее время

«Автор»

2026

Гусева И.

Непрошедшее время / И. Гусева — «Автор», 2026

История отношений в семье офицера в реальности нашего времени - с расстояниями и расставаниями, встречами и радостными моментами, тревогами и ценой, которую иногда приходится платить за службу и любовь. Эта честный рассказ о сильном и справедливом мужчине и женщине, которая переживает потерю, боль и ищет попытки заново научиться жить, не предавая память о любимом человеке. Это история о том, как искать точки опоры тогда, когда рушится привычный мир, как сохранить любовь сквозь время и как продолжать жить, даже если часть сердца навсегда осталась в прошлом.

© Гусева И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Чужая свадьба	5
Возвращение без ожидания	8
Близко, но далеко	11
После этого - только дальше	13
Когда становится страшно	15
Высота, в которой мы	19
Шаг в воздух	21
Жизнь без идеальности	24
Мир, в котором вырос ты	28
Да или Нет	33
Навсегда	38
И в радости, и в горе	42
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Непрошедшее время

Чужая свадьба

Любовь, как вода. Она не исчезает, а просто меняет форму. Иногда становится жизнью, иногда - памятью, иногда тем, чем ты дышишь, даже когда остаешься один.

Сейчас я живу так, будто время стало слоеным пирогом. Верхний слой - это я сегодня: тихая квартира, ночной свет, чашка горячего кофе в руках. Нижний, с начинкой, - вся моя жизнь до этого момента. Там есть ты. Там есть мы.

Прошло больше года с того дня, как тебя не стало. Я научилась засыпать без тебя и без тебя вставать по утрам. Научилась отвечать людям с улыбкой и не плакать. Я не живу, я пока выкарабкиваюсь. Медленно, без резких движений, из глубины, в которую падают сразу, но из которой очень трудно выбраться. Но бывают вечера, как этот, когда память становится сильнее настоящего. И я все чаще возвращаюсь к одному моменту. К нашей первой встрече.

Сейчас я сижу на кухне с чашкой горячего кофе. Темное окно напротив не отражает меня, а только кухонный свет и неподвижную тишину комнаты. Все вокруг кажется замедленным, почти чужим. Как будто дом помнит, что здесь было раньше, но делает вид, что ничего не произошло. Я держу чашку обеими руками, не потому, что холодно, просто так легче удержаться в реальности. И в этой ночной тишине прошлое снова начинает подниматься из глубины: спокойно, без предупреждения.

Мне сейчас сорок шесть. Когда мы познакомились, было тридцать. За плечами уже лежало все, что обычно называют «жизненным опытом»: неудачное первое замужество, разочарования, усталость от ожиданий, после которых перестаешь верить в настоящую любовь. Сегодня это кажется странным и почти нелепым, ведь любовь в то время уже стояла на пороге.

Мы познакомились на свадьбе моей младшей сестры. С сестрой мы выросли в семье военнослужащего. Форма, дисциплина, приказы - все это было не чем-то особенным, а просто фоном жизни, как утренний будильник или школа. Она выходила замуж за офицера, будто продолжая семейную линию, только уже в новой жизни, с другими правилами. Все было очень красиво и торжественно.

В тот день я не думала ни о чем, кроме формальностей: улыбаться, помогать, держаться рядом, чтобы что-то поправить, где-то поддержать, быть «в порядке», успеть поймать красивый случайный кадр.

Ты появился почти случайно. Тебя пригласили в последний момент: жених позвал своего нового командира роты, который перевелся буквально пару недель назад. Я уже слышала о тебе: женская половина воинской части успела обсудить, что на горизонте появился симпатичный и, вроде бы, холостой офицер. Но меня это не трогало. Я тогда устала от мужского внимания, от лишних взглядов, от навязчивых ухаживаний, особенно со стороны женатых мужчин. Для меня это было жесткое «нет». Без вариантов.

Я помню себя в тот день: небольшого роста, стройная брюнетка с большими голубыми глазами, которые я всегда подчеркивала. Платье - в цвет глаз, тщательно выбранное. Идеаль-

ный макияж и прическа, из которой не выбивается ни одна прядь. Каблуки двенадцать сантиметров. Я всегда носила каблуки, как будто добавляла себе роста или уверенности.

Мы встретились... даже не в зале, где-то перед дверями ЗАГСа, на чужой свадьбе. Просто оказались рядом. Случайно. Без пафоса и без ощущения, что «вот сейчас что-то случится». Ты просто стоял неподалеку.

А потом вдруг случайный разговор:

— Привет.

— Привет.

— Ирина.

— Сергей.

Как будто обычное знакомство. Ничего особенного.

Ты выглядел уверенно. Мужчина с плотной, собранной фигурой - не спортивной в показном смысле, а скорее служебной, привыкшей к нагрузкам, дисциплине, форме, спорту. Лицо строгое, даже немного жесткое, если смотреть поверхностно. Но стоило задержать взгляд, как появлялось что-то другое. Внимательные серые глаза. Те самые, которые будто не отпускают собеседника, заглядывают в самую душу. Сейчас, спустя годы, я понимаю: ты уже тогда смотрел на меня как-то особенно, не как на случайного человека.

Потом мы оказались рядом за столом. Ты был внимательным. Не навязчивым, а именно деликатно внимательным. Весь вечер вел себя, как человек, который слушает не только слова, который будто знает, что будет в следующий момент. И странно... между нами не было этой привычной неловкости первых фраз, не было обязательного «расскажи о себе», не было напряжения. Мы просто начали говорить, легко, как будто продолжили разговор, который уже когда-то был. Тогда я не придавала этому значения. Для меня это был просто легкий праздничный вечер: музыка, смех, люди, легкий флирт, который ничего не обещает. Я даже не связала тебя с тем самым «новым офицером», о котором все говорили. Мы много разговаривали в тот вечер. И было странное ощущение... не знакомства, а узнавания. Как будто мы не начинали отношения с нуля, а просто вспоминали себя рядом друг с другом. Тогда это ощущалось едва уловимо, легкий намек, тонкое чувство, которое невозможно сразу объяснить или определить.

Музыка играла вокруг, кто-то смеялся, кто-то кричал «горько». Ты шутил. Ты всегда умел шутить. А танцевать - нет. Но все равно упрямо приглашал меня каждый раз. И в этих танцах было что-то трогательное: немного неуклюжее... Ты будто даже не приглашал и не спрашивал, а просто каждый раз брал меня за руку и выводил в середину зала, словно танец был частью разговора. Как будто ты точно знал, что должен быть просто рядом хотя бы вот так, в танце.

А потом все закончилось так же просто, как началось. Мы разошлись каждый в свою сторону. Каждый, в свою жизнь, которая тогда еще казалась окончательной и отдельной. Я уехала со своим сыном в отпуск на море, ты - к новым делам, к новой должности, осваиваться на новом месте. Никаких ожиданий, никаких предчувствий. Без обещаний, без обмена телефонами, без «позвони». Без ощущения, что это начало чего-то большого. Только обычное «пока». И тишина после него - совершенно обычная.

И если бы тогда кто-то сказал мне, что именно этот вечер станет точкой, с которой начнется вся моя настоящая любовь... я бы, наверное, просто улыбнулась. И не поверила.

Я делаю глоток кофе. Он уже остыл. Вдруг в голову приходит внезапное сравнение моих воспоминаний и вот этой чашки: прошлое никогда не возвращается горячим, оно всегда приходит уже измененным - чуть более тихим, чуть более острым внутри. И все же я снова там. На той свадьбе, в шуме голосов, в свете зала, в моменте, который тогда ничего не значил. Который теперь значит очень-очень много.

Возвращение без ожидания

Иногда я думаю: если бы не тот сентябрь, мы могли бы так и остаться друг для друга просто случайной встречей на свадьбе. После того дня жизнь просто продолжалась - без тебя, и это не было больно и тяжело, как сейчас. И, если честно, я даже не ждала, что мы еще когда-нибудь пересечемся, просто иногда всплывали в памяти теплые воспоминания о том вечере на свадьбе.

А в моей жизни тогда был долгожданный отпуск. И было море, которое я всегда любила - оно собирало меня заново. В тот год мы с сыном уехали почти на две недели: подвернулась «горящая» путевка в военный санаторий, где были солнце, соль на коже, ветер, который выдувает лишние мысли. Я вернулась другой - более легкой, отдохнувшей, загоревшей, живой.

И вот настал первый рабочий день и суточное дежурство. Днем все было привычно: построение, разговоры, обмен новостями и фотографиями из отпусков. Жизнь шла своим военным ритмом. А потом наступил вечер и на узле связи стало тихо. Эта тишина была особенной, будто ты находишься в маленькой крепости посреди большого шумного мира. Сюда просто так не заходят, здесь все по делу. Я занималась привычными вещами: выдать рации, соединить одного командира с другим, отправить радиограмму, доложить обстановку. Руки работали автоматически, а внутри было спокойствие. Я любила это время, когда после суматохи дня можно побыть немного наедине с собой, с техникой, со своими мыслями. Иногда открыть книгу, иногда просто налить горячий чай и посидеть в этой тишине.

Но даже у такой тишины есть свои правила. Она периодически нарушается: контрольный звонок от начальника, проверка дежурного офицера, очередной доклад. Обычная система. Звонок в дверь узла связи, тоже обычный. Я спокойно встала, пошла открывать, ожидая увидеть кого-то из знакомых офицеров, из тех, кто дежурил и приходил с проверками.

Я открыла дверь... и на секунду остановилась. Даже не так, я застыла. Потому что за дверью стоял ты. Несколько секунд мы просто смотрели друг на друга. И в этом взгляде было все: удивление, неловкость и один и тот же немой вопрос: «Ты?», «Здесь?», «Почему?». Мы не ожидали этой встречи. Совсем. Я даже не сразу поняла, как себя вести. В голове мелькали мысли: «Что сказать?», «Как реагировать?», «Что вообще делать?».

Ты первым взял себя в руки - резко, четко, как и положено офицеру. Лицо стало строгим, даже жестким, голос - официальным, почти металлическим.

— Дежурный по части, капитан Гусев. Прибыл с проверкой.

Будто между нами никогда не было того вечера, разговоров, смеха и танцев.

Я тоже собралась. Отрапортовала четко, по форме. Но внутри... внутри все еще осталось это странное ощущение внезапной встречи, к которой невозможно подготовиться. Повисла неловкая пауза, почти осязаемая. И вдруг ты улыбнулся той самой своей улыбкой, с легким прищуром глаз.

— Может, все-таки перестанем делать вид, что мы незнакомы, и ты угостишь меня чаем?

И все сразу стало проще. Разговор потек легко, почти так же, как тогда. Но странно, мы оба не говорили о том вечере, будто он остался где-то отдельно и случился не с нами. Как секрет.

Ты стал приходить чаще. Сначала будто случайно, потом - почти каждый раз, когда у меня было дежурство. Позже ты признаешься: узнавал мой график и подстраивал свой под него. Чтобы просто... увидеться.

Наши разговоры были простыми. Ни о чем и обо всем одновременно. Я держала дистанцию, а ты не переходил ее. Но что-то уже происходило - очень тихо, почти незаметно. Сначала шоколадка к чаю, потом коробка конфет, маленький букет полевых цветов и фрукты. Такие

мелочи, которые нельзя назвать «чем-то серьезным», но именно они почему-то остаются в памяти.

А потом наступил день, когда ты решился.

Обычный вечер на дежурстве, чай, разговор, тишина вокруг.

И вдруг ты спрашиваешь:

— А ты любишь бегать по утрам?

Я даже немного растерялась.

— В целом да. Стараюсь.

Пауза. И потом, совершенно спокойно:

— Тогда я приглашаю тебя на свидание.

Я смотрю на тебя.

— Только не обычное.

Ты улыбаешься.

— В семь утра. На стадионе. Обещаю кофе... и хорошую тренировку.

Я не знала, как реагировать. Честно. На такие свидания меня еще никто не приглашал. И, кажется, именно это меня и зацепило...

Мы встретились на следующий день. Утро было еще почти пустым. Не то чтобы ранним, скорее таким, в котором мир только собирается проснуться и начать свое движение. Воздух осенний, прохладный, с легкой влажностью. Дышалось глубже, чем обычно. Школьный стадион был тихим, немного чужим без детей, без шума, без движения. Только дорожки, трава и ты. Ты уже был там - в спортивной форме, спокойный, собранный, как будто всегда приходишь сюда именно в это время и этот пустой утренний стадион давно стал частью твоей жизни.

Я подошла ближе, и отсутствие каблучков уже ощущалось чем-то непривычным и почти странным. Легкие кроссовки, волосы собраны не так идеально, как тогда, на свадьбе, минимум макияжа - в то утро я пришла к тебе совсем другой.

— Доброе утро.

— Доброе.

И после этих простых слов повисла пауза - не неловкая, не тяжелая, а теплая и спокойная, словно нам обоим не нужно было торопиться и заполнять ее разговорами.

Ты протянул мне стакан с кофе.

— Обещал же.

Я взяла его в руки. Он был горячим, почти обжигающим через тонкую стенку бумажного стакана, и этот момент почему-то запомнился особенно сильно: как тепло проходит через пальцы и медленно остается внутри.

Мы не спешили начинать. Не было ни команды «побежали», ни привычной суеты, ни попытки превратить это утро во что-то показательное. Мы просто стояли рядом, смотрели вокруг и постепенно привыкали друг к другу в этом новом пространстве - без формы, без чужих взглядов, без той официальности, которая всегда незримо присутствовала между нами раньше.

Потом ты чуть кивнул в сторону дорожки.

— Ну что, побежали?

И мы побежали. Сначала немного неловко, каждый в своем ритме, осторожно прислушиваясь друг к другу: не слишком ли быстро, не слишком ли медленно, постепенно подстраиваясь под общее движение. А потом ритм вдруг выровнялся сам собой - шаг, вдох, шаг, выдох - и в какой-то момент стало неожиданно легко. Не потому, что мы просто бежали рядом, а потому, что рядом вдруг оказалось удивительно спокойно. Иногда ты смотрел на меня коротко, будто проверяя, все ли нормально, а я ловила эти взгляды, делая вид, что не замечаю их, хотя замечала каждый.

Солнце поднималось медленно, свет становился мягче и теплее, и вместе с этим внутри меня тоже что-то незаметно менялось. В какой-то момент я вдруг поймала себя на очень простом ощущении: мне спокойно. По-настоящему спокойно. Без напряжения, без ожиданий, без внутренней настороженности, к которой я так привыкла за последние годы.

Мы остановились почти одновременно, даже ничего не говоря друг другу, просто почувствовав этот момент. Дыхание сбивалось, сердце билось быстрее, щеки горели от бега и прохладного воздуха, а ты снова протянул мне кофе.

— Второй раунд, еще по кружечке?

Я улыбнулась.

— Теперь уже можно.

Мы сели на край трибуны - рядом, но не слишком близко. Впрочем, уже и не на расстоянии, которое обычно остается между почти чужими людьми. И снова молчали, почти без слов, но это молчание не требовало неловких разговоров или попыток чем-то его заполнить. Иногда слова действительно не нужны. Иногда достаточно того, что человек просто сидит рядом.

Я смотрела на тебя, задерживая взгляд чуть дольше, чем раньше, уже не мимо и не вскользь, а внимательно, будто впервые позволяя себе по-настоящему тебя рассмотреть. И именно тогда внутри появилось что-то новое. Еще не чувство - нет. Скорее тихое предчувствие и интерес, который невозможно сразу объяснить, но который уже нельзя не замечать. Ты что-то рассказывал, а я слушала, больше улавливая даже не смысл слов, а твой голос, интонации, паузы между фразами. И тогда выяснилось еще одно совпадение: мы жили совсем рядом, в съемных квартирах буквально в нескольких домах друг от друга. И то, что до этого мы ни разу не пересеклись в общих магазинах, дворах или по дороге домой, до сих пор кажется мне странной случайностью.

Но если честно, больше самих слов я запомнила именно ощущение того утра. То, как ты смотришь. Как улыбаешься. Как замолкаешь на секунду, будто обдумывая следующую мысль. И в какой-то момент внутри вдруг тихо возникло: а если...

Утро закончилось так же просто, как и началось, будто ничего особенного между нами и не произошло. Ты встал, потянулся и с легкой улыбкой сказал:

— Теперь можно и по классике - приглашаю тебя в кино.

Я кивнула спокойно, почти сдержанно, но уже уходя вдруг поймала себя на странном ощущении: мне совсем не хочется, чтобы это заканчивалось.

И, наверное, все началось именно тогда.

Близко, но далеко

В тот же вечер я собиралась на наше следующее свидание и делала это почти демонстративно просто, специально уходя от всего, что могло бы выглядеть слишком красивым, слишком женственным, слишком притягательным.

Джинсы, футболка, кожаная куртка, ботинки на толстой подошве, высокий хвост и минимум макияжа - это было похоже на маленький побег. Не от тебя, а от самой себя рядом с тобой. Как будто, если я стану проще, тише, почти незаметной, между нами ничего не случится, не вспыхнет, не станет важным, не превратится в то чувство, которое потом уже невозможно будет остановить или забыть.

Наверное, где-то глубоко внутри я тогда действительно пыталась уменьшить твой интерес ко мне. Сбить этот внезапный ток между нами. Стереть ту самую женщину, на которую ты так смотрел в нашу первую встречу. Мне казалось, что если я не надену платье, каблуки, не распушу волосы, не подчеркну свою привлекательность, то и ты согласишься спокойнее, проще, как на обычную девушку.

Но получилось почему-то совсем наоборот. Я до сих пор помню твой взгляд в тот вечер, когда мы вновь встретились. В нем было столько тепла, мужского восхищения и какого-то почти опасного внимания, что мне на секунду стало не по себе. Гораздо позже я поняла одну странную вещь: тебя цепляли не платья и не яркая красота. Тебя цепляла именно я - настоящая, живая, без попытки понравиться. И, наверное, именно тогда ты заинтересовался мной в тысячу раз сильнее, чем если бы я пришла к тебе в откровенном платье, на высоких каблуках и с идеально уложенными локонами. Потому что ты уже тогда смотрел не на внешнюю оболочку, ты смотрел прямо в душу.

Но и я, несмотря на то, что продолжала отрицать свой интерес к тебе, все же пошла на это свидание. Пошла именно к тебе.

Ты ждал меня возле подъезда, и в руках у тебя был букет. Белые и чайные розы - мои любимые цветы. Я остановилась на секунду, потому что ты не мог знать, какие именно розы я люблю, но принес именно их.

— Это тебе.

Ты сказал это спокойно и просто, без попытки произвести впечатление, и именно в этот момент внутри у меня зашевелилось что-то тихое. Не радость, не восторг и даже не восхищение, а узнавание чего-то родного, которое я не хотела признавать. О наших встречах почти никто не знал. Я не говорила даже близким. Не потому, что скрывала тебя, а потому, что сама не понимала, что именно между нами происходит. Я не называла это вслух, даже в мыслях старалась не торопиться, будто любое определение могло разрушить хрупкость происходящего. Наверное, я просто не верила, что у наших встреч может быть продолжение.

Я сейчас даже не помню, какой фильм был в тот вечер. Совсем. В памяти осталось только ощущение случайного легкого прикосновения, теплый взгляд серых глаз и это твое спокойное, почти привычное внимание ко мне.

Свидания стали частыми, но при этом оставались удивительно простыми. Без резких шагов, без попыток приблизиться слишком быстро или перейти какую-то невидимую границу раньше времени. Никаких поцелуев, никакой спешки - только легкие касания рук, взгляды, разговоры и эта странная осторожность с обеих сторон. Как будто мы оба чувствовали, если поторопиться, можно все разрушить.

Но день за днем между нами все равно появлялась близость. Мы часто встречались, гуляли, ходили в кино, иногда заходили в кафе, бегали вместе по утрам и почти всегда просто разговаривали, постепенно открываясь друг другу и осторожно изучая друг друга. Не резко. Очень аккуратно. Что любишь. Какую музыку слушаешь. Какую еду предпочитаешь. Как рос

и о чем мечтал в детстве. И с каждым разговором я все яснее понимала: ты очень интересный человек. Разносторонний, начитанный, со своими ценностями, взглядами и внутренней глубиной. Не случайный.

Иногда мы спорили. Не часто, но спорили. И даже эти споры были не про желание победить или отстоять свою правоту, а про попытку понять друг друга. И именно в этом для меня было что-то опасное. Потому что это уже переставало быть простой симпатией. Это превращалось в интерес, который я больше не могла контролировать.

Именно в этот период ты познакомился с моим сыном. Раньше я никогда и ни с кем так не делала. Это было слишком рано, слишком лично, слишком рискованно. Но в какой-то момент все произошло само собой - опять почти случайно, без решения, без подготовки, без какого-то осознанного шага с моей стороны. Мы просто столкнулись возле подъезда. И удивительно, но вы подружились сразу и по-настоящему. Нашли общие темы, общие увлечения, вместе собирали и клеили модели самолетов, кораблей и танков, могли часами что-то обсуждать, будто знали друг друга гораздо дольше, чем на самом деле. И именно тогда внутри меня начало меняться что-то еще более глубокое, потому что теперь это были уже не только «я и ты».

Постепенно в нашей жизни стали появляться тихие вечера, почти семейные, но при этом без физической близости, без громких слов и без попытки как-то обозначить наши отношения. Я все еще держала дистанцию. Очень осторожно, почти незаметно, но удерживала ее, словно стояла на границе, которую нельзя переходить слишком рано. Не было поцелуев. Не было попыток приблизиться. Не было даже намека на это. И именно поэтому все происходящее казалось странно притягательным, потому что между нами не было давления, спешки или необходимости что-то доказывать друг другу.

И именно в этом медленном, почти незаметном движении я все чаще ловила себя на том, что уже не отстраняюсь так, как раньше. Я все еще была осторожна, все еще не позволяла себе полностью открыться, но внутри уже рождалось другое чувство - симпатия, которая постепенно превращалась во что-то большее. И, наверное, именно это пугало меня сильнее всего, потому что я начинала понимать: это уже не просто встречи.

После этого - только дальше

Прошел еще один месяц. И именно в этот период, когда все между нами словно оставалось «между» - без названий, без обещаний, без попытки определить происходящее словами, - случился тот самый переломный момент, который сначала не выглядел чем-то особенным.

Наступили ноябрьские праздники, и вдруг у нас появилось сразу три полноценных выходных дня подряд - без дежурств, без построений, без привычного ритма службы, который всегда держал в рамках и не оставлял пространства остановиться и просто выдохнуть. Это было редкостью, почти подарком.

Ты предложил поехать за город, на дачу к своим друзьям, и именно тогда познакомил меня с ними - с Алексеем и Мариной, семейной парой, с которой вас связывали долгие годы дружбы еще со времен училища. В их отношениях чувствовалась какая-то особая прочность - спокойная, уверенная, без лишних слов и показной близости. Тогда я, конечно, еще не могла предположить, что именно эти люди позже станут для меня настоящей опорой, когда тебя не станет. Но в тот момент это было просто теплое знакомство, легкое и очень естественное.

На даче собралась большая компания. Было шумно, живо, по-настоящему. Кто-то праздновал повышение, кто-то - рождение ребенка, кто-то просто приехал отдохнуть, отвлечься, расслабиться и выбраться из города. И впервые среди этого множества людей нас начали воспринимать как пару, хотя внутри меня самой этого ощущения еще не было.

Над нами подшучивали, переглядывались, делали прозрачные намеки, и в этом было что-то одновременно неловкое и странно естественное. Формально у нас по-прежнему не было отношений, не было близости, не было никаких обозначений, но при этом между нами уже существовало что-то гораздо большее, чем простая симпатия, было ощущение внутреннего родства, которое невозможно логически объяснить.

Я помню, как мы собирались в эту поездку. Я складывала пакеты с едой, какие-то мелочи, теплые вещи, а вы с Владом увлеченно перебирали удочки, спиннинги, снасти, обсуждали, что лучше взять с собой. И именно тогда я вдруг поймала себя на странном ощущении, будто смотрю на вас не со стороны, а уже изнутри какой-то другой жизни - более спокойной, теплой, почти семейной. И это было одновременно приятно и тревожно.

Дни проходили легко. Шашлыки, разговоры, смех. Мужчины и мальчишки уходили на рыбалку, женщины оставались на кухне, все было очень простым, привычным и непринужденным, без намека на то, что внутри меня уже постепенно начинает что-то меняться. Но потом наступил вечер.

Та осень была удивительно теплой, почти неправильной для ноября. Мы сидели у костра, ели шашлык, разговаривали, и вдруг оказалось, что ты умеешь петь и играть на гитаре. Это стало для меня неожиданностью. Вы с Лешей по очереди пели какие-то известные песни, шутили, подхватывали друг за другом ритм, и всем вокруг было легко и хорошо. А потом в какой-то момент ты остался один с гитарой, и зазвучала песня - знакомая, простая, но именно тогда она почему-то прозвучала совсем иначе.

Ты пел, глядя на меня. Не просто смотрел - удерживал взгляд так, будто в этот момент все остальное перестало существовать. И в словах песни, которую я слышала раньше много раз, вдруг появился смысл, существующий только между нами.

«Напиши мне, что ночь темна,
Что устала ты слушать дождь.
Напиши мне, что ты одна,
Напиши мне, Что любишь и ждешь»

И дальше уже невозможно было отстраниться, потому что это звучало не как песня. Это звучало как признание, которое ты боялся раньше сказать. И именно в этот момент внутри меня что-то окончательно изменилось. Не резко, не громко, а тихо и бесповоротно, словно тепло медленно разлилось изнутри, заполняя все то пространство, где раньше жила осторожность.

Я вдруг поняла, что люблю тебя. И в ту же секунду испугалась этого чувства, потому что вместе с ним вернулся страх - той боли, которая уже когда-то была в моей жизни, того разочарования, от которого я так долго пыталась убежать. Но одновременно со страхом, было и желание именно сейчас, после твоей песни, оказаться наедине.

Позже мы ушли к реке. Уже без компании, без шума, только ты, я и эта странно теплая ночь, в которой почти не осталось лишних слов. И там произошло то, что, наверное, уже невозможно было остановить.

Первый поцелуй. Он не был осторожным или пробным - он был настоящим. Сильным, глубоким, как будто мы слишком долго держали внутри себя все эмоции. У меня буквально подкашивались ноги, сердце билось так быстро, что невозможно было это контролировать, и в какой-то момент исчезли все мысли, сомнения и попытки удержать дистанцию. Осталось только ощущение. Прикосновения, от которых по телу проходил ток. Тепло, от которого невозможно было оторваться. И это странное состояние, когда ты уже не думаешь, не анализируешь и не оцениваешь происходящее - ты просто чувствуешь.

Мы почти не говорили. Нам не нужны были слова, потому что мы оба будто пытались выразить все накопившееся не через объяснения, а через прикосновения, через близость, через это почти неуправляемое желание быть рядом - еще ближе, еще сильнее чувствовать друг друга. Это было похоже на тайфун: резкий, мощный, сметающий все границы, которые мы так долго и осторожно удерживали между собой. Все, что раньше сдерживалось, прорвалось сразу, без переходов и полутонов.

Я не помню последовательности событий, не помню деталей, не помню даже, как мы тихо и незаметно для остальных вернулись в дом. В памяти осталось только это состояние - когда каждое движение отзывается внутри, а прикосновения становятся языком, на котором мы впервые по-настоящему говорим друг с другом. В этом было слишком много желания, нежности и какой-то почти пугающей точности совпадения, когда тебе не нужно ничего объяснять, потому что ты чувствуешь другого человека так, будто вы знакомы уже очень давно. И как тогда, во время нашего первого бега на стадионе, мы сначала осторожно подбирали движения, единое дыхание, единый ритм, а потом постепенно их улавливали. Почти одновременно угадывали, что нравится другому, словно искали и находили какие-то невидимые ключи друг к другу. И снова был этот общий ритм: вдох - прикосновение, выдох - тихое «да». Сердце билось все сильнее, а чувства накрывали волной, в которой уже невозможно было разделить нежность, страсть и любовь.

Та ночь была одновременно длинной и короткой. В ней будто исчезло время, растворилась привычная логика, осталось только ощущение глубины, в которую ты погружаешься и уже не хочешь возвращаться обратно.

А утром все изменилось. Вернулось то чувство, которое я слишком хорошо знала раньше, - тихий страх. Как будто вместе с близостью я снова открыла для себя возможность потерять, и эта мысль появилась сразу, без предупреждения.

Но остановиться уже было невозможно. И наши встречи продолжились. Они не стали чаще - они стали новыми. Мы продолжали узнавать друг друга, но уже с другой стороны: более чувственной, более открытой, более уязвимой. И в этом было еще больше правды, еще больше вовлеченности, еще больше того, что уже невозможно было назвать случайностью.

Так прошел еще один месяц, и где-то внутри я уже знала: это не просто история. Это жизнь, в которую я все-таки вошла, несмотря на страх.

Когда становится страшно

Наступил декабрь - месяц, в котором все вокруг начинает ускоряться и одновременно становиться ярче: огни в окнах, витрины магазинов, бесконечные разговоры о праздниках, ожидание Нового года. В этом времени всегда было что-то одновременно легкое и тревожное, словно радость неизбежно идет рядом с предчувствием перемен и тихим вопросом о том, что будет дальше.

В тот декабрь смешалось сразу все - Новый год, мой день рождения и твой. Я - Стрелец, ты - Козерог, и тогда это казалось просто забавным совпадением, пока однажды не стало причиной странной, почти нелепой сцены, которая почему-то задела меня гораздо сильнее, чем должна была.

Кто-то из нашей компании нашел гороскоп совместимости и начал читать его вслух, с улыбкой, в шутилом тоне, словно это было просто очередное развлечение для вечера. Но почему-то именно в тот момент слова прозвучали слишком отчетливо. Там говорилось, что мы совершенно не подходим друг другу, что такие союзы редко бывают прочными, что у нас слишком разные характеры и каждому из нас лучше искать «своего» человека где-то совсем в другой стороне жизни. Все вокруг смеялись, шутили, перебивали друг друга, и я тоже улыбалась вместе со всеми, внешне никак не показывая, насколько неожиданно меня задела эти "пророчества". Но внутри в тот момент снова появился тот самый тихий и неприятный червячок сомнения, который просыпается именно тогда, когда начинаешь быть по-настоящему счастливым: «А вдруг это правда?»; «А вдруг все между нами временно?»; «А вдруг однажды исчезнет то, что сейчас кажется таким честным, таким правильным и настоящим?»

И от этих мыслей становилось особенно больно, потому что к тому моменту мне уже было что терять. Чувства к тебе успели стать слишком сильными, слишком живыми, чтобы относиться к ним легко или делать вид, что все это не имеет значения.

И словно этого было мало, очень скоро произошло то, что тогда показалось мне почти невозможным.

Это был обычный рабочий день. Короткий обеденный перерыв среди привычной суеты. Я пошла к тебе просто увидеться, буквально на несколько минут снова оказаться рядом, почувствовать твоё тепло, твои руки, твои губы. Мы расстались всего пару часов назад после ночи, в которой было столько чувств, нежности и близости, что внутри меня они все еще продолжали жить отдельным, почти осязаемым теплом. И мне хотелось хотя бы ненадолго снова вернуться в это состояние.

Я подошла к двери твоего кабинета и уже собиралась войти, но вдруг остановилась. Ты был не один. Рядом с тобой стояла девушка - молодая, яркая, красивая блондинка с той самой уверенной манерой держаться, которая сразу бросается в глаза. Позже я узнаю, что она была племянницей командира, но в тот момент это уже не имело никакого значения, потому что я видела только одно: она стояла слишком близко к тебе, говорила слишком откровенно, а в ее голосе не было ни тени сомнения в том, чего именно она хочет. Ты что-то отвечал ей спокойно и сдержанно. Я уловила только отдельные фразы, но не поняла ни слов, ни смысла. Ты отстранял ее, но в тот момент я уже почти ничего не слышала и не понимала.

Внутри мгновенно поднялась тяжелая, резкая волна, настолько сильная, что ее почти можно было почувствовать физически. Ревность, обида, страх смешались сразу в одно чувство, и именно тогда я впервые так отчетливо поняла, насколько сильно люблю тебя, потому что только любовь способна причинять такую мгновенную боль. Страх предательства, от которого я так долго пыталась убежать, вспыхнул с такой силой, что не оставил места ни разуму, ни логике.

Я резко развернулась и вышла, почти выбежала в коридор, а в последний момент успела поймать твой взгляд - и ты все понял без слов. И тут же выбежал за мной.

Я уже была на улице, не видя ничего вокруг, и слезы текли сами, а боль внутри была не просто ощущением - она как будто расходилась от сердца по всему телу, сжимала его изнутри и не давала дышать. Я не хотела слышать никаких объяснений, не хотела разбираться и искать смысл, потому что в тот момент я уже все решила за нас двоих. Ты догнал меня, схватил, прижал к себе - крепко, почти резко, - но я тогда ничего не чувствовала, кроме злости, которая вспыхнула во мне мгновенно, как будто ей только и нужен был повод, чтобы вырваться наружу. Я оттолкнула тебя резко, жестко, сказала что-то обидное - даже не помню, что именно, но точно знаю, что это было больно. Ты не стал отступать, и несмотря на людей вокруг, на взгляды и на перешептывания, ты просто взял меня за руку и повел - нет, даже скорее потащил обратно в кабинет, как будто понимал, что если сейчас отпустить, я уйду, полностью исчезну из твоей жизни и наших отношений. Ты понимал, что сейчас единственный шанс поговорить, разобраться, удержать.

Там состоялся наш первый настоящий разговор - жесткий, без украшений и без малейшей попытки казаться лучше, и именно в нем ты впервые рассказал мне о себе по-настоящему, о том, как тебя предали, о том, как твоя первая жена изменила тебе с твоим же другом, пока ты был в командировке в горячей точке, и о том, что ты уже сделал свой выбор и никогда ему не изменишь, так же как не изменишь своей присяге на службе. Ты говорил об этом спокойно, но в голосе была такая глубина боли и такая честность, что ее невозможно было не почувствовать, даже если пытаться держаться отстраненно.

И именно тогда впервые прозвучали слова о любви, без пафоса, без фальши, просто как факт, и в внутри меня что-то остановилось, будто я резко вернулась в реальность из собственных страхов, в которых уже успела прожить целую версию событий, не имеющих к тебе отношения.

Ты крепко держал меня за плечи, смотрел в глаза:

— Ты понимаешь, что я давно люблю тебя, хочу только тебя, думаю о тебе каждую минуту. Я слишком хорошо знаю боль предательства и уверен в своем выборе. Именно поэтому я никогда не позволю себе измены.

В этот момент я начала слышать, видеть, сопоставлять и постепенно понимать, что ты не предавал, как мне показалось сначала, и что ты не сделал ничего из того, что я успела придумать и прожить внутри себя как уже случившееся.

Но чувство ревности не ушло сразу, оно еще оставалось - липкое, неприятное ощущение страха и недоверия, которое не поддается разуму и живет где-то глубже любых объяснений. Ты не отпускал меня, держал рядом, как будто чувствовал, что со мной происходит, и просто ждал, пока я сама проживу это до конца - и головой, и сердцем, без попытки ускорить или сломать этот процесс.

Мы помирились, и это была наша первая настоящая ссора, та самая, после которой я впервые по-настоящему увидела тебя не только как мужчину, которого люблю, но и как человека, рядом с которым можно не бояться сложных чувств и разговоров.

Ты не раздувал конфликт, не уходил в молчание, не пытался сделать вид, что ничего не произошло. Ты проживал все до конца - спокойно, честно, без громких слов и ненужных выяснений. И именно тогда я впервые почувствовала рядом с тобой какую-то взрослую надежность, редкую способность не ломать отношения об эмоции, а, наоборот, бережно собирать их обратно.

На следующий день был мой день рождения.

Я помню тот вечер почти до мелочей. Зима уже чувствовалась во всем - в морозном воздухе, в ранней темноте, в огнях города, отражавшихся в снегу. Ты приехал ко мне с цветами,

немного непривычно серьезный, словно сам волновался больше обычного. А потом протянул небольшую коробочку.

Без пафоса. Без длинных речей. Просто:

— С днем рождения.

Я открыла ее и увидела серьги - аккуратные, красивые, очень «мои». Не слишком яркие, не вычурные, а именно такие, какие я выбрала бы себе сама. И меня тогда поразило даже не то, насколько они были красивыми, а то, насколько точно ты изучил меня. Как будто успел за несколько месяцев узнать все мои привычки, вкусы, детали, на которые я сама не всегда обращала внимание. Я помню, как ты смотрел на меня в тот момент - чуть напряженно, будто тебе действительно было важно, понравится ли мне твой подарок. А я почему-то не могла перестать улыбаться.

Именно тогда впервые появилась наша фраза: «сережки от Сережки». Простая, немного смешная, почти детская, но почему-то удивительно теплая. Потом, много лет спустя, я случайно услышу ее в каком-то фильме и меня мгновенно вернет в тот вечер: к тебе, к этой маленькой коробочке в моих руках, к первой ревности, первой ссоре и к ощущению, что между нами уже появилось что-то по-настоящему настоящее. Эти серьги я ношу до сих пор.

А через две недели, за несколько дней до Нового года, был уже твой день рождения.

И к этому моменту между нами окончательно вернулось то, что мы едва не потеряли тогда из-за моей ревности, - доверие. Не на словах, не через долгие разговоры и объяснения, а где-то на том уровне, который невозможно доказать логикой, но который очень ясно ощущается внутри. После той ссоры и разговора между нами будто исчезла последняя осторожность, и рядом друг с другом стало спокойно по-настоящему.

Мы собирались отмечать твой день рождения вечером, в компании друзей, и ты был уверен, что увидишь меня только тогда. Но мне вдруг захотелось, чтобы первые минуты этого дня начались рядом.

Поэтому ночью, почти перед самой полночью, я тихо пришла к тебе. В руках у меня были черные и золотые шарики - почему-то тогда мне казалось, что они выглядят одновременно празднично, возможно немного по-детски, но в то же время по-мужски сдержанно. А еще, коробка с твоим любимым тортом и подарок, который я выбирала особенно долго и внимательно.

Это были часы. Не показательно дорогие и не «статусные», а именно такие, которые идеально подходили тебе - человеку, живущему в постоянном ритме службы, где время всегда имеет значение. Строгие, надежные, с темным циферблатом и металлическим браслетом - очень в твоем характере.

Ровно в полночь я нажала на звонок. Ты открыл дверь сонный, немного растрепанный, в домашней футболке, и первые секунды просто смотрел на меня так, будто не сразу понял, происходит это на самом деле или ты еще не до конца проснулся.

А потом заметил шарики, коробку в моих руках и рассмеялся. Тепло, искренне, совсем по-мальчишески.

— Ты сумасшедшая, — сказал ты, продолжая улыбаться. — Необычная и очень от этого притягательная.

А потом обнял меня, крепко, сонно, по-домашнему, и уже совсем тихо добавил:

— Но мне очень приятно, что первые минуты этого дня начинаются рядом с тобой.

Я помню ту комнату в полумраке, мягкий свет ночника, твои теплые руки, нежные губы, горячие и сильные объятия, запах свежесваренного кофе, который мы потом пили прямо среди этих шариков, разбросанных по полу. Мы сидели в обнимку, тихо разговаривали, смеялись, и в какой-то момент я поймала себя на очень странном и одновременно спокойном ощущении: мне хорошо не потому, что происходит что-то особенное или красивое, а потому, что я просто рядом с тобой.

Именно тогда впервые появилось чувство какой-то настоящей внутренней близости, не праздничной, не «романтической» в привычном смысле, а глубокой, почти домашней. Как будто я постепенно и совсем незаметно для самой себя становлюсь частью твоей жизни по-настоящему. Каждый день.

Праздники и новогодняя ночь прошли тепло, по-семейному. Ты познакомился с моими родителями, и это тоже было важным шагом, который случился естественно, без напряжения и лишних ожиданий, как будто все само встало на свои места. Все было спокойно, легко, правильно, и наши отношения стали глубже и сильнее, как будто прошли через первую проверку. Но при этом внутри меня все равно иногда возвращался этот страх, тихий и липкий, почти незаметный, страх потерять, снова оказаться в боли, поверить слишком сильно и не удержать то, что стало важным.

И вот наступил Новый год, тот самый, который стал для нас памятным.

Сейчас, возвращаясь в эти воспоминания, я ловлю себя на том, что снова проживаю те эмоции почти так же ярко, как тогда, только теперь уже знаю, что будет дальше, и от этого появляется странное ощущение - смесь боли и благодарности, от которых я вдруг улыбаюсь, потому что понимаю: без этих вспышек ревности, без этого страха и без этой уязвимости, возможно, ничего бы и не произошло так, как произошло.

Высота, в которой мы

После Нового года у нас был первый совместный отпуск - неофициальный, никак не обозначенный, но, наверное, один из самых настоящих и запоминающихся. Мы вдвоем уехали в наше первое путешествие: Домбай, Архыз, Приэльбрусье - десять дней, которые тогда казались просто отдыхом, а потом стали точкой отсчета для множества других поездок, к которым мы будем возвращаться снова и снова, как будто пытаюсь вернуться туда, где все только начиналось.

Ты тогда впервые познакомил меня с горами - с настоящими, высокими, живыми, немного пугающими и одновременно притягивающими. И в них было что-то удивительно похожее на тебя самого: внешняя сдержанность, сила, спокойствие и ощущение надежности, к которому невозможно остаться равнодушной.

Я впервые встала на лыжи, впервые попробовала сноуборд, впервые почувствовала этот странный баланс между страхом и восторгом, когда летишь вниз с горы и уже понимаешь: остановиться не получится, остается только довериться движению, скорости и человеку рядом.

Ты смеялся надо мной почти с первых минут, потому что на лыжах я держалась еще более-менее уверенно, а вот со сноубордом наша первая попытка закончилась тем, что я красиво, с размаху, упала прямо в сугроб и несколько секунд просто лежала там, возмущенно глядя в небо. А ты стоял рядом, протягивал мне руку и смеялся так искренне и заразительно, что в итоге я тоже начинала смеяться вместе с тобой, даже когда мне казалось, что у меня сейчас отвалятся ноги, руки и вообще все мышцы сразу.

— Ну что, чемпионка, еще раз? — спрашивал ты.

— Нет. Никогда. Я больше не встану на эту штуку.

Через пять минут я снова стояла на доске.

Ты вообще умел делать так, что рядом с тобой переставало быть страшно пробовать что-то новое и экстремальное. Не потому, что уговаривал или убеждал, а потому что всегда был рядом - такой спокойный, уверенный, терпеливый. Когда я падала, ты поднимал. Когда начинала злиться на себя - смеялся и специально отвлекал какими-то глупостями. Когда уставала - молча приносил горячий чай или кофе и садился рядом прямо в снег.

Именно тогда я снова увидела тебя не только серьезным офицером, уверенным мужчиной, а еще и очень живым, легким, почти мальчишкой в какие-то моменты.

Ты мог внезапно начать кидаться снегом. Или специально проехать совсем близко, подняв вокруг меня облако снега, а потом делать вид, что это получилось случайно. А мог посреди разговора резко схватить меня за руку и потащить кататься с самой высокой горки, хотя я заранее говорила, что боюсь. И, конечно, именно после твоего «там совсем не страшно» я потом полдороги кричала на тебя, вцепившись в твою руку, а ты смеялся так, что едва удерживался на лыжах.

Потом в нашей жизни будет еще очень много этих «впервые», но тогда это ощущалось особенно остро, потому что ты не просто показывал мне свой мир - ты как будто открывал его вместе со мной, шаг за шагом впуская туда так естественно, словно я всегда должна была там оказаться. Ты вообще умел дарить не вещи, а эмоции.

Днем мы катались с гор, смеялись, падали, снова поднимались, уставали до приятной тяжести в теле, а вечерами сидели где-нибудь в теплом деревянном кафе с запотевшими окнами, ужинали, делились впечатлениями, пили вино. И в этих разговорах было столько спокойствия и близости, что совершенно не хотелось никуда спешить.

Я до сих пор помню один такой вечер. Мы сидели у окна, за которым медленно шел снег, а ты что-то рассказывал, активно жестикулируя, и вдруг случайно задел кружку с глинтвейном. Ты тогда с совершенно серьезным видом заявил, что это был «тактический маневр для созда-

ния романтической атмосферы», а официантка смеялась вместе со мной, пока ты пытался спасти салфетками стол и мою кофту.

И почему-то именно такие мелочи запоминались особенно сильно. Не красивые фотографии. Не сами горы. А то, как ты поправлял мне шапку, потому что я вечно надевала ее «неправильно». Как грел мои ледяные руки в своих ладонях. Как по утрам приносил мне кофе раньше, чем я успевала окончательно проснуться. Как однажды вечером мы так устали после катания, что уснули прямо поперек кровати, даже не разобрав вещи.

А ночи. Ночи были совсем другими - более яркими, более откровенными, словно вместе с каждым днем между нами исчезали последние границы и мы постепенно открывали друг в друге то, к чему раньше никого не подпускали. Это уже была не просто страсть и не просто притяжение. Это было узнавание на каком-то уровне, который сложно объяснить словами, когда прикосновения ощущаются не только кожей, а чем-то гораздо глубже. Когда рядом с человеком ты перестаешь думать, анализировать, оценивать и просто существуешь внутри этого чувства, где есть только вы двое и то, что происходит между вами. И в этом было что-то почти нереальное.

Я все сильнее в тебя влюблялась - тихо и неизбежно. И однажды вдруг поймала себя на мысли, от которой мне одновременно стало и тепло, и страшно: если однажды это закончится, я уже не смогу просто вернуться к себе прежней, потому что ты слишком глубоко вошел в мою жизнь и стал частью меня самой. Но тогда я старалась об этом не думать. Не заглядывать вперед. Не пугать себя будущим. А просто быть внутри того счастья, которое происходило с нами здесь и сейчас.

Ты тоже менялся, и это было видно не только мне. Люди вокруг начали говорить, что ты - мы как будто светимся, что в нас появилось что-то общее, что невозможно подделать или сыграть. Ты становился все более открытым, рассказывал о личном, о том, что раньше, возможно, держал внутри, и я тоже делилась, и в этих разговорах не было страха быть непонятой или осужденной. Мы не оценивали друг друга, мы узнавали.

После отпуска жизнь вернулась в привычный ритм - служба, дежурства, обязанности, но при этом почти каждый день мы были рядом. В моем доме появилось ощущение тихих семейных вечеров, где все было просто и спокойно, а когда мы оставались у тебя, наоборот, возникало другое пространство - более чувственное, в котором не было никого, кроме нас и нашего желания, и эти вечера превращались во что-то иное, более глубокое, более откровенное, почти как погружение, из которого не хотелось возвращаться. И удивительно - между нами не появлялось привыкания. Не было той самой обыденности, о которой так часто говорят как о начале конца. Наоборот, чем больше времени мы проводили вместе, тем прочнее становились отношения, как будто мы все дальше уходили в эту общую глубину, в которой становилось еще больше смысла.

Так пролетели еще несколько месяцев, и странно, но я не ждала от тебя ничего «большого» в привычном понимании, которое так часто ждут другие девушки - я не ждала ни предложения, ни свадьбы, ни детей, мне было достаточно того, что у нас уже было, того, как мы жили, как чувствовали, как были рядом, и казалось, что этого уже много, что этого пока хватает.

Но апрель все изменил...

Шаг в воздух

На стене нашей квартиры, которую мы с тобой когда-то обустроивали с такой любовью и вниманием к каждой мелочи, висит много фотографий, но чаще всего мой взгляд останавливается на одной - той, где мы в спортивных костюмах, в снаряжении для прыжка с парашютом, немного растрепанные ветром, с живыми, настоящими лицами и глазами, в которых невозможно скрыть счастье. Я каждый раз задерживаюсь на ней дольше, потому что она возвращает меня в наш апрель.

Хотя, если быть честной, к тому моменту между нами уже успела пройти целая маленькая жизнь длиной в несколько месяцев - февральские праздники, день рождения сына, почти незаметно пролетевший март, первые теплые дни апреля.

Мы все еще официально не жили вместе, но по сути уже давно и не жили отдельно. Это произошло как-то само собой, без разговоров и решений. Просто в какой-то момент оказалось, что почти каждый вечер заканчивается рядом друг с другом. После работы мы встречались, вместе ехали домой, готовили ужин - иногда что-то простое и быстрое, иногда вдруг устраивали почти шуточные соревнования, кто приготовит вкуснее. Ты, например, был уверен, что мясо никто не умеет жарить лучше тебя, и каждый раз подходил к этому процессу с такой серьезностью, будто проводил военную операцию. А я смеялась, наблюдая, как ты сосредоточенно стоишь у плиты в домашних штанах и футболке, хмуришься, переворачивая стейки, и не позволяешь мне «мешать профессионалу».

Иногда мы выходили гулять - уже реже, чем раньше, потому что теперь не нужно было искать повод провести время вместе. Иногда шли на стадион, бегали, дурачились, спорили, кто сегодня быстрее устанет. Иногда просто оставались дома, включали какой-нибудь фильм и в итоге почти не смотрели его, потому что разговаривали обо всем подряд.

Ночи были вместе и утро тоже начиналось вместе.

Я до сих пор помню эти совершенно обычные, но почему-то невероятно счастливые моменты: как ты сонный выходил на кухню рано утром, босиком, с растрепанными волосами, молча обнимал меня со спины, пока я варила кофе. Как забирал у меня нож, потому что «ты опять неправильно режешь овощи и можешь порезаться». Как по утрам всегда первым открывал окно, даже зимой, потому что любил холодный воздух, но зная как я легко замерзаю, перед этим обязательно укрывал меня теплым пледом или халатом.

И удивительно, но во всем этом не было никакого напряжения. Не было притирки, не было бытовых конфликтов, не было той тяжести, о которой так часто говорят, когда люди начинают жить в одном пространстве. Все складывалось естественно, спокойно, почти привычно, словно мы уже очень давно знали, как быть рядом. Даже в мелочах мы будто сразу совпали - не обсуждая, не договариваясь, просто интуитивно находя удобный для обоих ритм. Ты всегда ставил чашку с кофе справа от меня, потому что заметил, что я машинально тянусь именно туда. Я автоматически складывала твои вещи именно так, как тебе нравилось. Ты любил тишину по утрам и я научилась чувствовать это без слов. А я, наоборот, любила засыпать под разговоры, и ты каждый вечер рассказывал мне что-нибудь - смешные истории со службы, детские воспоминания, какие-то случайные мысли.

Даже когда выпадали суточные дежурства, ты все равно каким-то невозможным образом умудрялся подстраивать график так, чтобы мы хотя бы ненадолго пересекались, пусть даже на несколько минут. Иногда это был короткий разговор в коридоре, иногда кофе наспех, иногда просто взгляд или быстрое прикосновение руки, от которого внутри вдруг снова становилось спокойно.

Так пролетела зима. Потом половина весны.

И уже ближе к концу апреля ты вдруг начал задавать странные вопросы: прыгала ли я когда-нибудь с парашютом, как отношусь к высоте, боюсь ли ее. Я уже знала, что за твоими плечами сотни прыжков, что для тебя это не просто увлечение, а какая-то отдельная часть жизни - важная, настоящая, связанная со службой, свободой, азартом и небом. Но для меня все это существовало где-то в другой реальности, очень далеко от меня самой.

Я никогда бы не решилась на такое самостоятельно. Но ты рассказывал об этом с таким живым огнем в глазах, с таким мальчишеским восторгом, словно хотел подарить мне еще один кусочек своего мира, показать что-то очень важное для себя. И, глядя на тебя, на это искреннее желание снова придумать для нас что-то особенное, что станет только нашим, я неожиданно для самой себя согласилась. Хотя внутри было страшно. Очень.

Перед прыжком было несколько тренировок. Нас учили складывать парашют, правильно группироваться при приземлении, объясняли технику безопасности, снова и снова повторяли последовательность действий. Я честно старалась все запомнить, кивала, слушала, повторяла движения, но волнение было сильнее, и в какой-то момент я поняла, что почти ничего не удерживается в голове.

А когда мы поднялись в самолет, меня начало трясти. Это был уже не просто страх, а какое-то почти первобытное ощущение, когда тело само отказывается принимать происходящее. Меня трясло не от холода - от осознания того, что через несколько минут нужно будет сделать шаг в пустоту. Я помню гул двигателя, холодный воздух, лица людей вокруг, запах металла и ткани парашютов и это ощущение нереальности происходящего, будто все случается не со мной.

Ты почувствовал мое состояние сразу. Ты вообще всегда чувствовал меня без слов. Ничего не спрашивая, ты просто посмотрел мне в глаза, крепко и уверенно взял за руку и тихо сказал, почти на выдохе, так, чтобы слышала только я:

— Дыши. Я с тобой. Я рядом. Я твой инструктор, я буду за твоей спиной. Я отвечаю за тебя. Просто доверься мне и попробуй почувствовать свободу.

И странно, но именно этих слов оказалось достаточно. Потому что к тому моменту доверие к тебе уже было полным. Без остатка.

Описать сам прыжок сложно - это состояние, которое не похоже ни на что другое. В какой-то момент ты перестаешь быть человеком, который всегда стоит на земле, и оказываешься в пространстве, где нет привычных опор, а есть только воздух, скорость, высота и это дикое, почти первобытное ощущение свободы. Секунды перед прыжком растягиваются. Ты стоишь у открытой двери самолета, и ветер бьет в лицо так, что перехватывает дыхание. Внизу - не земля, а бесконечная глубина. И в этот момент мозг будто отказывается понимать, что это реальность. Только твоя рука в моей ладони - единственная точка, которая еще держит меня здесь, не дает рассыпаться в этом шуме ветра и высоты.

Ты чуть наклоняешься ко мне, проверяешь карабин, поправляешь ремни, и я чувствую твое спокойствие - плотное, уверенное, почти физическое. Как будто ты действительно держишь весь этот момент под контролем. И, наверное, я впервые в жизни доверяю настолько, что страх не исчезает, но отступает на шаг назад.

— Готова? — коротко спрашиваешь ты.

Я не отвечаю словами, просто киваю. И в следующую секунду мы делаем шаг. Падение не ощущается падением. Это скорее разрыв с привычной реальностью - будто тебя выдергивают из одной жизни и мягко, но стремительно помещают в другую. Ветер становится всем: он в ушах, в груди, в коже, в каждой клетке тела. Дыхание сбивается, но потом каким-то чудом выравнивается, и ты вдруг понимаешь, что можешь дышать даже здесь, на этой невозможной высоте.

Ты рядом. Я чувствую тебя телом, пространством, движением. Ты не просто инструктор за спиной. Ты как будто становишься частью этого полета, частью меня самой в этом небе. И

в какой-то момент страх действительно превращается во что-то другое - почти восторг, почти смех сквозь этот бешеный поток воздуха.

Земля приближается медленно и одновременно слишком быстро. Резкий рывок и потом тишина. Абсолютная, неожиданная. Будто кто-то выключил весь мир сразу. Мы еще в воздухе, но уже иначе, мягко, плавно, почти невесомо. И только тогда я начинаю по-настоящему смеяться. Громко, не сдерживаясь, с тем самым освобождением, которое невозможно объяснить словами.

Мы приземляемся, и я еще не до конца понимаю, что произошло - просто смеюсь, дышу, пытаюсь собрать себя обратно, ощущая, как тело постепенно возвращается в привычное состояние, как снова появляется тяжесть земли под ногами. Колени чуть подгибаются, но ты подерживаешь меня за локоть, и это простое касание вдруг кажется самым надежным в мире. Мы снимаем парашют, и к нам уже бегут близкие: сын, сестра со своим мужем, друзья. У Лешки в руках букет, и я тогда думаю, что это в честь моего первого прыжка, но все оказывается совсем иначе.

Ты берешь у него цветы и вдруг, будто из самой глубины комбинезона, достаешь маленькую белую бархатную коробочку. На секунду все вокруг становится странно тихим, как будто звук просто исчезает. Даже ветер будто замирает. И в следующий момент ты опускаешься на одно колено. И мир останавливается. Ты не торопишься. Не играешь на публику. Не ищешь правильных слов. Ты просто смотришь на меня так, как смотришь всегда, когда все по-настоящему, и говоришь спокойно, но так, что каждое слово попадает в душу:

— Мы с тобой сейчас были одним целым. Я хочу так всю жизнь - быть рядом, любить, защищать тебя так же, как сейчас. Ты уже знаешь, как непросто даются мне признания. Но сегодня я хочу их кричать. Я люблю тебя так, как никогда не любил. Ты выйдешь за меня?

И в этот момент меня накрывает эмоциями целиком. Не эмоциями даже - состоянием, в котором нет ни воздуха, ни мыслей, ни времени. Только ты, твой голос, этот белый свет, запах ветра и ощущение, что сердце просто не справляется с тем, насколько оно полно счастьем.

Я вижу лица вокруг - счастливые, взволнованные, родные. Слышу где-то сбоку сдавленный смех сына. Чувствую, как сестра сжимает мне руку. Но все это будто на расстоянии. Потому что передо мной ты. На колене. В этом мире, который только что держал нас в небе.

И я не думаю, не взвешиваю, не ищу правильного ответа. Мой голос звучит сначала тихо, почти на выдохе, потом все громче:

— Да. Конечно да...

И в следующую секунду ты улыбаешься так, как умеешь только ты - широко, облегченно, по-настоящему. Поднимаешься, надеваешь кольцо мне на палец дрожащей, но уверенной рукой, и притягиваешь меня к себе так крепко, что кажется, будто теперь уже действительно нет ни высоты, ни земли - есть только мы.

И именно этот момент - живой, настоящий, с ветром в волосах, с еще не ушедшим адреналином и счастьем в глазах - остается на той самой фотографии, на которую я теперь так часто смотрю, возвращаясь в тот апрель снова и снова.

Жизнь без идеальности

Тот день, конечно, не закончился там на поле, среди ветра, адреналина и еще не улегшихся эмоций, потому что все только начиналось, и уже вечером мы оказались в нашем любимом кафе, в узком кругу самых близких и родных людей - тех, кто, как оказалось, давно был посвящен в твою задумку, и только я одна ничего не знала, не догадывалась, жила в своем обычном ощущении дня, который вдруг стал одним из самых важных в моей жизни.

Весь вечер я почти не слышала разговоров, не запоминала слов, не следила за происходящим вокруг, потому что снова и снова возвращалась взглядом к кольцу, которое теперь было на моей руке. Оно было очень нежным, аккуратным, без показной роскоши, но именно в этом и заключалась его особая красота: тонкий ободок золота и маленькая белая розочка, сложенная из фианитов - простая и одновременно очень живая, как будто в ней было что-то от меня самой. Оно не было дорогим по стоимости, но было бесценным по смыслу, и я до сих пор ношу его как напоминание о дне, в который я до конца не могла поверить.

Потому что все происходящее казалось каким-то нереальным, почти сказочным, как будто это не моя жизнь, а чей-то сюжет фильма о любви, в котором вообще бывают такие чувства и такие признания. Но, как выяснилось за ужином, ты и был самым лучшим «режиссером» всего этого.

Оказалось, что вся моя семья и друзья не просто знали о твоей задумке - была продумана целая «операция», настоящая, выстроенная почти ювелирно, чтобы я согласилась на этот прыжок, чтобы не испугалась, не отступила, не нашла тысячу привычных причин сказать «нет». И они начали рассказывать, почти с радостью, с тем самым азартом, который бывает у людей, участвующих в чем-то большом и тайном, что в итоге получилось идеально.

Первым не выдержал сын и с хитрой улыбкой напомнил один наш разговор, когда он якобы делился впечатлениями о фильме: «Когда человек прыгает, у него такое чувство, будто он летит не вниз, а как будто свободно вверх тоже. Там вообще не страшно, там круто!». Мама мягко улыбнулась и подхватила:

— А ты помнишь, как я рассказала тебе историю подруги, когда на день рождения ей сделали подарок? Историю о том, как она в пятьдесят лет впервые прыгнула с парашютом с мужем и рассказывала, что это был один из самых счастливых дней в ее жизни. Не потому что страшно а потому что рядом был он.

Я перевела взгляд на сестру и с улыбкой продолжила за нее. Теперь я понимаю, к чему были твои слова о том, что «вообще такие вещи они ведь не про экстрим. Они про то, как люди становятся ближе. Когда вы вместе проходите что-то настоящее - не придуманные ужины и прогулки, а вместе проживаете ситуации, когда сердце бьется громче мыслей и тогда уже невозможно притворяться».

И только тогда я начала понимать масштаб.

Друзья переглянулись, кто-то тихо засмеялся, и один из них, чуть наклонившись вперед, будто продолжая давно начатый разговор, сказал:

— Мы вообще сидели и обсуждали, в какой момент лучше достать кольцо.

Я замерла.

— И что именно вы обсуждали — тихо вырвалось у меня.

И они начали рассказывать дальше. уже не о прыжке, а о том, что было до него. О планировании, о том, как вы спорили между собой не о том, будет ли это происходить, а о том, как именно; когда лучше сделать предложение - после прыжка или до, в воздухе или уже на земле; что сказать, как не перегрузить момент словами, которые должны были прозвучать тише любых громких фраз; нужно ли дать мне время успокоиться, переодеться, чтобы потом на фотографиях все выглядело «правильно».

И там же, за этим же столом, вы все, как я потом узнала, пришли к одному и тому же выводу: это не имеет значения - ни прическа, ни одежда, ни идеальный образ. Потому что в такие моменты важным остается не то, как вы выглядите на фото, а в том, что чувствуете. И самое странное было, что вы не просто организовали все вместе - вы выстроили путь. Мягкий, почти незаметный, в котором меня не толкали, не заставляли, не убеждали напрямую - меня просто вели через истории, через разговоры, через чужой опыт, через смех моего сына, через спокойную уверенность мамы, через тонкие намеки сестры, через вашу тихую, почти невидимую координацию с друзьями.

И ты, и мои близкие - вы увидели раньше меня, что именно останется в памяти ценным, и постарались подарить мне такие эмоции, в которых человек впервые за долгое время начинает чувствовать все максимально остро и честно. И именно это делало твое предложение быть рядом, стать твоей женой, еще более искренним и важным шагом.

Наступили майские праздники, и мы снова уехали за город - на дачу к друзьям. Уже в привычном для нас ритме, с легкостью, с ощущением, что у нас есть свое пространство, свой маленький мир, который постепенно становится общим. И именно там, среди обычных разговоров, запаха мангала, смеха, вечернего чая на веранде и этих простых бытовых мелочей, которые почему-то всегда оказываются самыми настоящими, мы вдруг оба пришли к одной и той же мысли - нет смысла продолжать жить на две квартиры, если каждый вечер мы все равно вместе. Это решение не обсуждалось долго. Оно просто стало очевидным. Как что-то, что давно уже произошло, и теперь только оформилось словами.

Дальше начались будни, наполненные совсем другими заботами - посмотреть варианты квартир, договориться с хозяевами, спланировать переезд, собрать вещи. Но это были удивительно приятные хлопоты. В них было ощущение нового этапа, еще непривычного, но уже очень нашего.

Мы довольно быстро нашли подходящую квартиру - в том же районе, удобную, без лишнего пафоса, с простым светом и спокойными стенами - и почти так же быстро переехали. И вдруг оказались внутри совершенно обычной жизни, где есть коробки, скотч, пакеты, не собранные полки и ощущение, что теперь все нужно заново разложить по местам - не только вещи, но и саму жизнь.

И вот здесь я впервые обратила внимание на одну твою особенность, которая тогда почему-то особенно меня удивила: ты не делил быт на «женское» и «мужское». Не было этого внутреннего разделения, ожиданий, что кто-то что-то должен по умолчанию. Мы просто делали все вместе или по ситуации, без лишних слов. Ты спокойно собирал мебель, крутил отвертку, разбирался с техникой, параллельно мог закинуть стирку или разобрать коробку. И при этом не делал из этого «помощь» или «услугу» - это просто была наша жизнь. Общая. И это ощущалось легко.

Я тоже как-то естественно вписалась во все эти процессы, без усилия, без внутреннего сопротивления, будто всегда так и жила рядом с тобой. Где-то помогала держать детали мебели, подать инструменты, разложить вещи по местам, что-то протереть, распаковать, разложить по полкам. Мимоходом ставила чайник, готовила ужин - простые вещи, которые сами собой складывались в уют.

Ты мог в этот момент «воровать» кусочек своих любимых помидоров прямо из-под ножа, смеяться, делать вид, что это совершенно случайно, и тут же, не отвлекаясь от дела, притянуть меня к себе. Обнять со спины - легко, небрежно, как будто это не жест, а продолжение дыхания. Поцеловать куда-то в ухо или в шею, задержаться на секунду дольше и тут же снова вернуться к отвертке или коробке, как ни в чем не бывало. А я замирала на мгновение, улыбалась, слегка качала головой и продолжала резать овощи, уже чувствуя тебя рядом даже тогда, когда ты отходил на пару шагов.

В этом не было ничего демонстративного. Все происходило само собой, как будто мы действительно давно научились жить в одном ритме, не мешая друг другу, а дополняя. И от этого становилось еще теплее.

Но при этом каждый из нас уже имел свой опыт жизни, свои привычки, свои маленькие правила, которые не всегда совпадали. И постепенно начали появляться первые, почти незаметные столкновения - из разряда «ты не туда положила мою рубашку» или «почему ты опять оставил носки рядом с кроватью, а не убрал их сразу». Ничего серьезного. Ничего драматичного. Но именно из таких мелочей чаще всего и начинается напряжение. Добавлялись усталость, бытовая нагрузка, новый темп, и в какой-то момент внутри появилось странное, почти пугающее ощущение, а не поторопились ли мы, не начали ли терять то самое чувство легкости, которое было между нами раньше.

И здесь свою роль сыграл мой характер: я могла вспыхнуть мгновенно из-за мелочи, как спичка, от одной фразы, одного жеста. И так же быстро остыть. Но сам этот всплеск всегда был ярким, резким, иногда даже слишком.

Так однажды и случилось: какая-то совершенно незначительная, почти глупая ситуация вдруг переросла в первую по-настоящему бытовую ссору. На пустом месте, без настоящей причины, но с эмоциями, которые уже невозможно было просто «перешагнуть».

И именно в этот момент ты сделал то, что, как я понимаю сейчас, стало одним из самых важных решений в нашей жизни. Ты не стал спорить. Не стал усиливать конфликт. Не стал доказывать свою правоту и не вышел из комнаты в раздражении или обиде.

Ты просто остановился. Дал мне выговориться до конца - не перебивая, не обесценивая, спокойно выдерживая этот эмоциональный поток. А потом сказал очень простую, почти бытовую вещь, в которой, как оказалось, было гораздо больше зрелости, чем в любых громких словах:

— Давай договоримся, если нам что-то не нравится - в мелочах, в быту, в усталости, в настроении - мы не копим это внутри, не доводим до взрыва и не уходим в молчание. Мы просто говорим. Сразу. Спокойно. И ищем решение, пока оно не станет комфортным для нас обоих.

Это звучало так просто, что сначала даже казалось очевидным. Но на самом деле в этом была взрослая, очень точная мудрость - умение не разбивать отношения об эмоции, а удерживать их разговором.

И это правило стало нашим. Оно жило с нами все четырнадцать лет. И, наверное, именно оно очень многое помогало сохранять - тепло, уважение, внимание, способность слышать друг друга, не позволяя быту становиться сильнее чувств.

Почти сразу после этого мы приняли еще одно решение - хотя бы раз в неделю обязательно проводить время только вдвоем. Без дел, без спешки, без «надо». Просто возвращать себе состояние первых свиданий: куда-то выбираться, менять обстановку, снова и снова создавать эмоции, а не растворяться в рутине.

И это действительно многое расставило по местам. Любовь снова оказалась на первом месте - не как привычка, а как живое чувство, - с легкостью, с притяжением, с той самой внутренней искрой, которая не исчезла, а стала глубже. Мы как будто осознанно начали это сохранять, а не ждать, что оно «само пройдет», начали беречь и приумножать.

И даже наша близость менялась. Становилась не просто сильной, а глубокой, как погружение в океан, в котором нет лишних слов, но есть полное доверие. Где важны не формы и не «как правильно», а ощущение друг друга, честность, откровенность, отсутствие страха быть непонятыми, поиск новых экспериментов, которые доставляли удовольствие обоим. Мы говорили об этом спокойно, без стеснения и напряжения. И именно эти разговоры позволяли не терять остроту чувств, не притуплять их, а наоборот, делать их еще более живыми.

Сейчас, оглядываясь назад, я понимаю, как многому мы тогда научились. Как важно было не замалчивать, не терпеть, не угадывать, а говорить. Как именно умение слышать друг друга стало одной из самых крепких основ между нами.

А тогда это было новым. Не всегда простым, но удивительно правильным.

Мир, в котором вырос ты

Наступило лето - теплое, насыщенное, с тем особенным ощущением, когда впереди отпуск и жизнь как будто чуть замедляется, давая возможность прожить что-то важное. Мы готовились к свадьбе, но, если честно, все, что обычно сопровождает этот процесс - подача заявления в ЗАГС, выбор даты, первые организационные решения - прошло почти незаметно, без суеты, без лишнего значения, как будто это было не главное.

Мы сразу оба поняли, что не хотим пышного торжества, не хотим показной истории «для всех», нам было достаточно самых близких - тех, кто действительно был частью нашей жизни. Дату выбрали легко, 12 сентября, почти ровно год с момента нашей первой встречи, и в этом было что-то символичное, правильное, как будто круг замыкался и одновременно начинался заново.

Но была одна важная вещь, которая оставалась между нами нерешенной - я до сих пор не была знакома с твоими родителями.

Я знала о них многое, по твоим рассказам. Знала, что ты вырос в семье офицера, что твое детство прошло в Донецке, и это, кстати, было еще одним странным совпадением, мой отец был родом из тех же мест, из Макеевки, всего в нескольких десятках километров от города, где рос ты. И поэтому, даже не бывая там, я как будто уже представляла эти улицы, этот воздух, эту атмосферу, в которой формировался ты.

Мы решили, что в отпуск поедem именно туда - познакомиться, пригласить на свадьбу, сделать этот шаг правильно. И чем ближе была поездка, тем сильнее внутри поднималось напряжение. Я переживала, хотя старалась этого не показывать.

Во многом это был отголосок моего прошлого опыта, моего первого брака, неудачного, болезненного, где отношения со свекровью так и не сложились, оставив после себя неприятный осадок и осторожность, которую уже нельзя было просто выключить. Но дело было не только в этом. Я видела, как для тебя важно это знакомство, как тебе важно, чтобы твои близкие приняли меня, и мне хотелось, чтобы все сложилось так же легко и тепло, как у тебя с моими родителями. Я понимала ценность этого знакомства.

Но реальность оказалась чуть сложнее.

Твоя мама и папа при первой встрече произвели на меня очень сильное впечатление. Мама - такого же небольшого роста, как и я, худощавая, живая, с той внутренней энергией, которая чувствуется сразу, без лишних объяснений.

Отец - удивительно похожий на моего - офицер, с четкой линией поведения, с привычкой держать все под контролем, выстраивать пространство вокруг себя, но при этом, если присмотреться, тонко подстраивающийся под семью, под близких, как будто вся эта строгость существует не вопреки любви, а ради нее.

А ты... был очень похож на своего отца внешне. Вы оба высокие, подтянутые, благодаря постоянным физическим нагрузкам, с теми же серыми внимательными глазами, той же линией подбородка и губ. Я помню, как поймала себя на мысли в тот самый первый день, глядя на него, что словно вижу тебя через тридцать лет. Это было почти зеркальное сходство, немного неожиданное и очень точное.

Но при этом ты был другим. В тебе, конечно, была эта внутренняя жесткость, присущая военным не по форме, а по призванию, но рядом с ней жила удивительная чуткость, какая-то глубокая, взрослая мудрость и доброта, которую невозможно сыграть. У тебя было большое, по-настоящему доброе сердце, и я это уже знала.

Наверное, еще и поэтому меня тогда так поразила одна удивительная деталь: твоих родителей звали точно так же, как моих - Ольга и Владимир. Когда я впервые это услышала, мы даже рассмеялись от неожиданности. Какая-то почти невозможная случайность, от которой

вдруг стало теплее, словно жизнь заранее оставила для нас этот маленький знак, что наши миры однажды должны были встретиться.

А вот меня в первый момент приняли настороженно. Это чувствовалось сразу - не в открытой неприязни, нет, а в этой очень внимательной, почти болезненной осторожности, с которой родители смотрят на человека, внезапно появившегося в жизни их сына после всего, через что ему пришлось пройти. В воздухе будто висели невысказанные вопросы, сомнения, попытка понять - кто я, откуда взялась, что принесу с собой в твою жизнь, тепло или новую боль. Меня словно рассматривали под увеличительным стеклом. Спрашивали обо всем, о работе, прошлом, семье, о том, как я воспитываю сына, что для меня важно, как я вообще отношусь к жизни. Иногда вопросы были очень личными, иногда неожиданно резкими, почти провокационными, будто меня действительно проверяли на прочность. И я помню это странное внутреннее напряжение - желание понравиться и одновременно понимание, что никакими правильными словами тут ничего не докажешь и нужно было просто оставаться собой.

Но я не обижалась, потому что понимала их слишком хорошо. Я сама уже была мамой. И к тому моменту уже знала твою историю, знала, как тяжело тебе дался прошлый опыт, сколько боли и разочарования осталось внутри после него. И потому очень ясно чувствовала - они не оценивают меня как человека вообще. Они пытаются понять только одно - не стану ли я той женщиной, которая снова разрушит тебя изнутри.

И в этом было очень много любви. Родительской, тревожной, немного неуклюжей, но такой понятной.

Прошло несколько дней этих осторожных разговоров, долгих ужинов на кухне, вечернего чая, каких-то бытовых мелочей, в которых люди постепенно начинают узнавать друг друга настоящими. И я очень хорошо помню момент, когда атмосфера вдруг начала меняться. Незаметно, почти неуловимо.

Интонации стали мягче. Взгляды - теплее. Вопросы уже не настороженными, а искренне заинтересованными. Исчезло это ощущение экзамена, будто между нами медленно растворялась невидимая стена.

Твоя мама однажды вечером сидела рядом со мной на кухне, пока я помогала ей нарезать салат к ужину и вдруг совершенно спокойно сказала:

— Знаешь я давно не видела его таким. Спокойным. С теплыми и горящими глазами. И я очень надеюсь, что вы действительно сможете сделать друг друга счастливыми.

Для меня тогда эти слова значили невероятно много, потому что в них уже не было проверки. Не было сомнений. Только принятие.

А твой отец, как-то по-своему начал принимать меня еще раньше. Не через разговоры, а через какие-то мелочи. Однажды молча протянул мне плед, когда вечером стало холодно. Начал спрашивать мое мнение в разговорах за столом. Впервые назвал меня по-доброму, без дистанции - Ириша.

И именно тогда внутри окончательно появилось ощущение, что я больше не гость в твоей жизни.

Со временем твои родители действительно стали для меня вторыми мамой и папой. Не формально, не из вежливости, не потому что так правильно и принято, а по-настоящему. Они вошли в нашу жизнь глубоко и естественно, стали частью нашей семьи, наших праздников, разговоров, забот, обычных будней. И потом, спустя годы, я не раз ловила себя на мысли, что люблю их уже почти так же, как своих собственных.

Отпуск в Донецке был на самом деле коротким, почти стремительным, потому что мы сознательно решили оставить большую его часть на то, что обычно называют «медовым месяцем», но при этом эти две недели оказались настолько насыщенными, что по ощущениям в них поместилась целая жизнь. Я не просто познакомилась с твоими родителями, я словно вошла в часть твоей прошлой жизни, в тот мир, который до этого знала только по обрывкам исто-

рий, случайным фразам и воспоминаниям. И чем больше ты открывал мне эту часть себя, тем сильнее я понимала: человека невозможно по-настоящему полюбить, не узнав, откуда он, где вырос, чем жил до тебя, что его сформировало.

Мы много гуляли по городу. И это были не те прогулки, где показывают туристические места или что-то «красивое для галочки». Ты вел меня по своим маршрутам - очень личным, почти интимным. Вот двор, где вы с друзьями когда-то играли в футбол до темноты. Вот магазин, куда ты бегал за хлебом для мамы. Вот старый стадион, где впервые почувствовал вкус победы. Ты рассказывал обо всем спокойно, без попытки произвести впечатление, но я слушала тебя так внимательно, будто собирала по кусочкам человека, которого уже успела полюбить всем сердцем.

Помню, как мы зашли в твою школу. Было лето, тихое, жаркое, почти сонное. Пустые коридоры, открытые окна, через которые тянуло теплым воздухом и запахом нагретых деревьев с улицы. Где-то далеко гулко раздавались шаги, а в кабинетах шуршали бумагами оставшиеся на работе учителя. И в этой тишине школа казалась совсем другой - не шумной и живой, а наполненной воспоминаниями. Рядом со мной ты вдруг словно стал другим, не взрослым мужчиной, а тем самым мальчишкой, который когда-то бегал здесь по лестницам, прятал дневник с замечаниями, смеялся с друзьями после уроков и, наверное, точно так же смотрел летом в эти распахнутые окна, мечтая поскорее вырваться во взрослую жизнь. Ты познакомил меня со своей учительницей. Невысокая женщина с удивительно добрыми, внимательными глазами смотрела на тебя с такой теплотой и гордостью, словно ты до сих пор оставался для нее тем самым учеником, которого она когда-то выпускала во взрослую жизнь. И я сразу почувствовала, она действительно была для тебя важным человеком.

— А вот и наш Сережа, — сказала она с улыбкой, в которой было столько нежности, что я невольно тоже улыбнулась.

И то, как ты вдруг чуть смутился, как по-мальчишески усмехнулся в ответ, было для меня невероятно трогательным. Мне вообще тогда впервые открылось удивительное чувство - видеть рядом с собой не только мужчину, в которого я влюблена сейчас, но и все его прошлые версии одновременно: мальчика, подростка, юношу. Человека, который задолго до нашей встречи учился быть собой.

Мы встречались и с твоими школьными друзьями. Сидели где-то в шумных кафе, долго разговаривали, смеялись до слез над историями из вашей юности, и я слушала их почти завороженно. О том, как ты однажды зимой провалился под лед, потому что решил «срезать путь». Как подрался за одноклассника, которого обижали старшие ребята. Как упрямо всегда лез первым туда, где страшно или сложно. И каждый раз я ловила себя на мысли, что узнаю тебя заново и все больше понимаю, почему ты именно такой.

Потому что твоя сила никогда не была показной. Она была в другом - в спокойствии, в умении держать слово. В привычке брать ответственность даже тогда, когда можно было этого не делать. В том, как ты молча замечал чужую усталость. Как умел быть опорой, не требуя за это благодарности.

И чем больше я узнавала о тебе от других людей, тем яснее понимала: рядом со мной человек, который был вот таким - настоящим, а не просто казался. Ты везде был собой настоящим - дома, с друзьями, со мной, со своими родителями, с бывшими учителями. Разве что на службе ты становился строгим, серьезным, иногда даже жестким.

У меня тогда внутри окончательно появилось очень тихое, но глубокое ощущение правильности происходящего. Будто жизнь каким-то странным образом медленно, шаг за шагом, вела меня именно сюда - к тебе, к твоему миру, к людям, которые тебя любили, к той части жизни, в которую ты впускал далеко не каждого. И это доверие ощущалось почти как подарок.

Вообще мы действительно были очень разными. Я вспыльчивая, живая, эмоциональная, с той внутренней энергией, которая иногда вырывается раньше, чем успеваешь подумать. Я

любила движение, творчество, могла часами что-то делать, рисовать, ловить настроение, искать красоту в деталях, в свете, в людях.

Ты спокойный снаружи, выдержанный, почти всегда собранный, никогда не повышающий голос, с той военной выправкой, которая чувствуется не только в теле, но и в характере. Но при этом внутри ты был очень эмоциональным, просто не показывал это сразу, не выплескивал наружу, как я.

И при всей этой разности мы не спорили о том, кто прав и не пытались переделать друг друга. Мы учились. Я у тебя - спокойствию, умению не реагировать сразу, останавливаться, дышать, думать, быть мягче в ситуациях, которые раньше могли меня вывести из равновесия. Ты у меня - чуть большему доверию к своим чувствам, умению говорить о них, не держать все внутри, позволять себе быть откровенней и показывать эмоции, а не только проживать их глубоко внутри. И это происходило как-то незаметно, без договоренностей, без усилий, просто потому что мы были рядом и постепенно перенимали друг у друга то, чего нам самим не хватало.

И в этом был какой-то очень правильный баланс. Мы принимали увлечения друг друга как часть целого. Я могла часами рассказывать тебе про искусство, делиться идеями, и ты слушал внимательно, с интересом, даже если это было далеко от твоего мира. Ты тянул меня в спорт, в движение, в какие-то экстремальные вещи, которые раньше казались мне чужими, и я шла за тобой - сначала с осторожностью, потом с доверием. Мы не совпадали характерами, но совпадали в главном - в умении быть рядом по-настоящему, любить и строить наши отношения.

И именно поэтому до какого-то момента у нас не было серьезных столкновений, не было тех острых углов, о которые обычно ранится любовь. Все между нами складывалось естественно, почти во всем.

Когда мы вернулись домой, в нашу уже привычную жизнь, неожиданно появилось то, что сначала казалось мелочью, а потом стало единственным настоящим несовпадением между нами. Мы впервые не смогли сразу услышать друг друга.

Ты хотел, чтобы мы обвенчались. Не просто предложил - настаивал, спокойно, без давления, но твердо, с той внутренней уверенностью, которая не оставляет сомнений в том, насколько это для тебя важно. А я я не была к этому готова. И дело было не в самом таинстве. Мне хотелось, чтобы все в нашей жизни было максимально честным и настоящим, но несмотря ни на что, иногда внутри снова поднималось то самое чувство, от которого я, казалось, уже казалось, что ушла, а вдруг не получится.

Я верила в Бога. Я была крещеной. Но моя вера тогда была больше про традиции, чем про внутреннюю опору. А венчание для меня звучало не только как традиция и веяние моды, а как что-то окончательное, как шаг, после которого уже нельзя будет сомневаться даже внутри себя. И я не могла его сделать. Мы не кричали, не ссорились, но и не могли найти решение. Каждый оставался внутри своей правды, и это создавало напряжение, которое уже нельзя было не замечать.

Ты впервые по-настоящему обиделся. Не резко, не громко, но глубоко. Ты объяснял, что для тебя это не формальность, что ты действительно веришь в нас, что хочешь закрепить нашу любовь не только словами, но и клятвой перед Богом. А я сопротивлялась, как будто какая-то часть меня все еще боялась, что если дать этому имя «навсегда», жизнь обязательно это проверит. Это стало нашим единственным камнем преткновения, тем самым местом, где мы, такие разные, умеющие слышать и принимать друг друга почти во всем, вдруг не могли найти общий язык.

И именно поэтому тот разговор стал таким важным - разговор с отцом Николаем. Мы сидели почти три часа вместе, спокойно, без давления. Он задавал вопросы, слушал, не пере-

бывая, и потом так же спокойно объяснял, возвращая нас к сути, к тому, что стоит за словами и страхами.

И что-то внутри меня тогда изменилось. Не резко, но глубоко. Я вдруг начала по-другому слышать тебя, понимать, что для тебя это не про обряд, не про форму, а про внутреннюю честность, про веру, про желание быть со мной не только «здесь и сейчас», а дальше, быть по-настоящему всю жизнь. И в какой-то момент я отпустила страх. Поверила. По-настоящему. Как будто окончательно приняла, что мы - это не случайность, не временное совпадение, а что-то большее, что было до и будет после. И именно тогда венчание перестало быть чем-то пугающим. Оно стало естественным - еще одним шагом, еще одним камнем в нашем фундаменте.

Да или Нет

Наступил август - теплый, плотный, почти звенящий от событий месяц, и до нашей свадьбы оставалось всего двадцать дней. Это ощущалось во всем: в разговорах, во взглядах, в том, как мы все чаще ловили себя на мысли, что совсем скоро жизнь станет другой, уже официальной, уже навсегда.

Мы продолжали встречаться с отцом Николаем: он готовил нас к таинству венчания, и эти разговоры давно перестали быть формальностью, превратившись во что-то глубокое и очень личное. Он объяснял смысл молитв, говорил об обряде, но главное - мягко, почти незаметно, направлял нас друг к другу еще ближе. И я чувствовала, как меняется моя вера: уходит из нее «надо» и «так принято», и на его место приходит внутренняя опора.

Все уже было почти готово. Кольца мы выбрали сразу - парные, необычные, с тонкой линией бриллиантов: у тебя более сдержанное, у меня чуть шире и ярче, но вместе они смотрелись так точно, так неизбежно правильно, что даже цена, выше запланированной, не вызвала сомнений. Это было не про украшение - про отражение нас. Ты выбрал костюм - не классический, чуть смелее привычного, но он сел на тебя так, будто был сшит именно для тебя: подчеркивал фигуру, выправку, ту самую собранность, которая в тебе была всегда. Я свое платье нашла сразу, без поиска и сомнений: белый мокрый шелк, прилегающий силуэт, открытая спина, длинные свободные рукава. Оно не было ни пышным, ни пафосным, ни слишком откровенным - оно было моим. В нем я не становилась кем-то другим, я просто оставалась собой.

Мы все организовывали сами, по-взрослому, без денег родных, без перекладывания ответственности, потому что нам это было важно. Ресторан, машина, медовый месяц - все было спланировано. Мы выбрали Крым, Евпаторию. Ты был там не раз, я - всего пару раз в детстве, но нас объединяло главное: море.

Заранее приехали твои родные: брат Саша с женой Верой и детьми - трехлетней Анечкой и совсем маленьким Андрюшкой. И с ними все сложилось удивительно легко, как будто не было первого знакомства, не было напряжения, мы сразу нашли общий язык, шутили, общались, и я даже ловила себя на мысли, что наши пары чем-то похожи. Ты обожал племянников. А они тебя. Это была какая-то особенная, чистая, безусловная любовь, которая бывает только у детей. И, наблюдая за тобой рядом с ними, я впервые по-настоящему увидела, каким отцом ты можешь быть - не в словах, не в разговорах, а в том, как ты смотришь, как держишь на руках, как смеешься с ними.

Мы тогда впервые по-настоящему заговорили о детях. Не вскользь, не шутя, не в формате далекого «когда-нибудь потом», а всерьез - глубоко, честно, почти болезненно. До этого тема словно сама обходила нас стороной. Не потому, что мы не хотели или избегали ее, просто нам было так хорошо вдвоем, что казалось, времени впереди еще очень много. Я и сама хотела ребенка. Особенно рядом с тобой. Но внутри жило другое ощущение: сначала свадьба, наш дом, наша жизнь только для нас двоих. Мне хотелось еще немного пожить в этом безумном, счастливом состоянии, когда весь мир сужается до одного человека и ты никак не можешь им насытиться.

Мы говорили об этом вечером, когда твои родные уехали. Было лето, душно, окна открыты настежь, из двора доносились какие-то голоса, запах нагретого асфальта смешивался с запахом чая и твоей сигареты, который ты иногда курил на кухне, задумчиво глядя в темноту за окном.

— Ты хочешь ребенка от меня? — вдруг неожиданно прозвучал вопрос.

Я тогда почти машинально сказала что-то вроде:

— Да. Но куда спешить. У нас еще есть время.

И вдруг почувствовала, как ты замолчал. Не просто задумался, а именно замолчал как-то иначе. Тяжело. Слишком резко ушел внутрь себя. Я подняла глаза и увидела твой взгляд - непривычно напряженный, уставший, будто эта тема давно жила внутри тебя и болела сильнее, чем я понимала.

Ты долго крутил в руках кружку, потом тихо сказал:

— А если нет?

Я сначала даже не поняла.

— В смысле?

Ты усмехнулся - коротко и совсем невесело.

— Если у меня вообще не может быть детей?

И вот тогда впервые открылся по-настоящему. Ты рассказал, что в первом браке детей так и не было. Что вы не обследовались серьезно, не искали причин, потому что тогда отношения уже трещали по швам совсем из-за другого. Но этот страх все равно остался внутри. Глубоко. Мужской, тяжелый, почти стыдный страх, о котором не говорят вслух.

— Я не знаю, проблема во мне или нет — сказал ты тихо. — Но иногда думаю об этом постоянно.

И чем дольше мы были вместе, тем сильнее это начинало тебя мучить. Почти десять месяцев рядом и ничего. Ни намека. И я вдруг поняла, сколько всего ты уже успел передумать за это время, ни разу не сказав мне ни слова.

А потом наступила моя очередь говорить то, чего ты совершенно не ожидал услышать. Я призналась спокойно, почти растерянно, потому что для меня это правда было естественно:

— Сереж, дело совсем не в тебе, я все это время пила таблетки.

Наверное, именно в тот момент я впервые увидела твою настоящую злость. Не громкую. Не агрессивную. Но такую резкую и болезненную, что воздух между нами будто мгновенно натянулся.

Ты резко поставил кружку на стол, провел рукой по лицу и впервые за все время нашего знакомства заговорил почти с надрывом:

— Почему ты мне не сказала?

— Потому что...

— Нет, правда, почему? Ты решила это за нас двоих?

Я помню, как внутри у меня сразу поднялась защитная реакция. Мне казалось, что я не сделала ничего плохого. Это было мое тело, мое решение, моя осторожность. Мне действительно хотелось сначала просто побыть с тобой, прожить нашу любовь без спешки, без страха, без ответственности, которая меня тогда немного пугала.

Но для тебя это прозвучало иначе. Не как «я еще не готова», а как будто я не доверяла тебе настолько, что не хотела даже обсудить это с тобой. Как будто между нами все-таки оставалась какая-то невидимая дистанция, о которой ты не подозревал.

И именно тогда нас снова спасло то самое правило. Мы не начали кричать друг на друга. Не хлопнули дверью, не погрузились в демонстративное молчание. Хотя эмоции были сильные у обоих. Я помню, как ты встал, прошелся по кухне, потом вернулся обратно и очень устало сел напротив. И мы начали говорить. Долго. Тяжело. Иногда сбиваясь. Иногда замолкая на несколько минут. Иногда снова возвращаясь к одним и тем же словам.

Я объясняла, что для меня это было не про отказ от детей, твоих детей и не про недоверие. А про страх все испортить слишком быстрыми шагами. Про желание сначала стать по-настоящему семьей. Про то, как сильно я уже любила тебя и как боялась одновременно потерять себя внутри слишком стремительно меняющейся жизни. А ты говорил о своем страхе остаться без детей. О возрасте. О том, что впервые за много лет вообще захотел семью по-настоящему - не формально, не «как должно быть», а сердцем. Со мной.

И чем честнее становился этот разговор, тем отчетливее я понимала, за твоей злостью на самом деле стояла боль. И очень глубокая уязвимость, которую ты редко кому показывал.

В итоге мы договорились, что со следующего месяца я перестану принимать таблетки. И внешне после этого действительно все стало спокойно. Мы помирились, обнялись, даже шутили потом, пытаясь разрядить напряжение. Но где-то глубоко внутри у тебя все равно остался едва заметный след от того вечера. Какая-то маленькая трещина в уверенности, что между нами нет недосказанности. Тогда я этого еще не понимала. Но позже именно этот осадок неожиданно даст о себе знать снова.

Конец августа - твой праздник, день спецназа, юбилей отряда. Это был большой, яркий день, наполненный гордостью, награждениями, фотографиями, поздравлениями, ощущением силы и единства. Все происходило под открытым небом, на берегу Дона, в жарком августовском воздухе, среди смеха, музыки и большого количества людей.

Ты был в форме, в краповом берете, собранный, уверенный, и ты действительно выделялся даже среди тех, кто был одет так же, потому что в тебе было что-то большее, чем просто форма. На мне было легкое белое льняное платье, простое, без лишней откровенности, но с той самой элегантностью и простотой одновременно, которую я всегда любила. На нас смотрели, нас поздравляли, кто-то улыбался, кто-то, возможно, завидовал - все было естественно, живо. И именно среди этой легкости произошло то, чего мы не ожидали.

Меня пригласил на танец другой мужчина. Ничего особенного, просто дружеское приглашение, без намеков, без лишнего смысла. Я даже не придавала этому значения. Раньше это было нормально, мы спокойно общались, танцевали в компании, и ты никогда не проявлял ревности. Но в этот раз что-то внутри тебя будто резко сработало. Как будто совпало слишком многое сразу: твое прошлое, внешность того мужчины, сама атмосфера праздника и тот самый недавний разговор, в котором еще оставался едва заметный осадок недоверия. Все это сложилось в какой-то твой «пазл» и вылилось бурей эмоций.

Ты подошел резко - так быстро, что я даже не сразу поняла, что происходит. Еще секунду назад играла музыка, вокруг смеялись люди, кто-то хлопал в ладоши в такт, а я просто танцевала, легко, без задней мысли, потому что вечер был теплым, шумным, живым. Но когда я увидела твои глаза, все внутри мгновенно изменилось. Ты смотрел так, как раньше никогда не смотрел на меня. От этого взгляда по коже будто прошел холод. Челюсть напряжена, скулы резко очерчены, глаза темные, тяжелые и в них не обида даже, а что-то гораздо глубже и болезненнее.

Ты подошел, крепко взял меня за руку - чуть сильнее, чем обычно, - и молча отвел в сторону, подальше от музыки и людей. Я почувствовала, как внутри сразу поднимается тревога.

— Сереж...

Но ты перебил. Говорил тихо, почти сдержанно, и именно это пугало сильнее любого крика.

— Красиво выглядело. Очень.

В голосе была такая холодная ревность, что у меня внутри все резко сжалось. Я попыталась объяснить сразу, спокойно:

— Это просто танец. Господи, ты же видишь.

Но ты будто действительно уже ничего не слышал. Смотрел куда-то сквозь меня, словно в этот момент рядом стояла не я, а кто-то из твоего прошлого. И потом прозвучала фраза, от которой меня буквально обожгло:

— Как я могу тебе теперь верить?

И вот тогда вспыхнула уже я. Наверное, потому что это было слишком несправедливо. Потому что я любила тебя до невозможности. Потому что за все это время ни разу не дала повода усомниться в себе. Потому что внутри меня уже давно существовал только ты. Сначала я еще пыталась держаться спокойно. Говорила, что не сделала ничего плохого, что для меня

не существует никого, кроме тебя, что через несколько недель у нас свадьба и я хочу ее не меньше, чем ты. Но чем больше я объясняла, тем сильнее чувствовала эту стену между нами. И в какой-то момент тоже сорвалась.

— Я не собираюсь оправдываться за то, чего не делала!

Именно тогда вечер был испорчен окончательно.

Домой мы ехали молча. Тяжело. Между нами будто натянулась невидимая колючая проволока. Даже воздух в машине казался другим - густым, напряженным. Ты смотрел на дорогу, крепко сжимая руль, а я отвернулась к окну, чувствуя, как внутри одновременно горят злость, обида и какое-то почти детское желание, чтобы ты просто обнял меня и сказал, что все это глупость. Но никто не сделал первый шаг.

В ту ночь мы впервые за долгое время легли спать отвернувшись друг от друга и это оказалось страшнее самой ссоры. Потому что я вдруг физически почувствовала эту дистанцию между нами.

Я лежала с открытыми глазами, слушала твое дыхание и понимала, что ты тоже не спишь. Ты несколько раз тяжело переворачивался, потом надолго замирал. А мне было так больно и так одиноко рядом с тобой, что в какой-то момент к горлу начали подступать слезы. Сначала внутри все еще жила обида: «За что? Почему ты вообще мог такое подумать?».

Но потом эмоции начали понемногу оседать, и за ними вдруг проступило что-то другое. Не только моя боль, но и твоя тоже. Я вспомнила все, что знала о твоём прошлом. О предательстве. О том, как долго ты потом учился снова доверять людям. Как редко вообще говорил об этом. И вдруг поняла, сейчас с тобой говорит не злость. С тобой говорит страх. Страх снова пережить ту же боль от предательства.

И тогда я просто не выдержала этой стены между нами. Тихо придвинулась ближе. Осторожно обняла тебя со спины, прижавшись лбом между лопаток, и почти шепотом сказала:

— Сереж, посмотри на меня. Давай поговорим.

Ты долго молчал. А потом медленно повернулся ко мне. И вот тогда я впервые увидела в тебе уставшего, раненого внутри человека, которому страшно потерять то, что стало для него по-настоящему важным.

Ты вдруг начал говорить. Сначала коротко, сбивчиво, будто через силу. Потом все честнее, открывая свои мысли и чувства. О том, что почувствовал в тот момент, когда увидел, что я танцую с другим и смеюсь. Увидел, с каким восхищением он при этом смотрит на меня. О том, как резко тебя отбросило назад - в старую боль, старые воспоминания, старое недоверие. О том, что ты сам понимаешь, что я ни в чем не виновата, но иногда прошлое будто сильнее разума.

Ты держал меня крепко в своих объятиях. Почти до боли. Как будто боялся, что я сейчас исчезну. А я лежала у тебя на груди, слушала биение твоего сердца и вдруг очень ясно поняла одну простую вещь: любовь - это не только счастье, легкость и страсть. Иногда любовь - это вот так, среди ночи, в темноте, осторожно держать друг друга и говорить о всех своих страхах, говорить искренне.

В какой-то момент я подняла голову, посмотрела тебе прямо в глаза и тихо сказала:

— Я не она. Никогда больше не сравнивай меня с ней.

Ты замер и посмотрел мне в глаза. А я напомнила тебе нашу первую ссору. Свою ревность тогда. Твои же слова о доверии и выборе. Сказала, что я уже давно выбрала тебя - спокойно, осознанно, всем сердцем. Что мне никто не нужен рядом, кроме тебя. И что таких чувств, как к тебе, у меня не было никогда.

И именно в этот момент между нами все недоверие окончательно растворилось. Ушла злость. Ушла защита. Осталась только правда - очень живая, очень уязвимая и от этого еще более настоящая.

Мы тогда почти до утра лежали обнявшись и разговаривали обо всем, о чем раньше молчали. И мне кажется, именно после той ночи наша любовь стала другой - взрослее, глубже, крепче. Потому что мы впервые не испугались увидеть друг друга по-настоящему. Не красивыми. Не удобными. А живыми - со всеми страхами, болью и слабостями. И все равно выбрали остаться рядом.

Навсегда

Именно это слово стало символом того дня - нашего дня. Оно звучало не вслух, не в тостах, не в поздравлениях, а где-то внутри, как ощущение, которое невозможно перепутать ни с чем другим. И рядом с ним было ещё одно - вечная любовь. Да, это был день нашей свадьбы и венчания.

Церемония в ЗАГСе была красивой, торжественной - с улыбками, музыкой, словами, которые принято говорить в такие моменты. Но все это, каким бы важным ни было, осталось как будто на поверхности. Настоящее началось потом, в храме. Там, где уже не было суеты, не было внешнего, где все становилось тише и глубже.

Венчание, его действительно невозможно описать словами так, чтобы передать то, что мы тогда чувствовали. Это было не просто красивое действие, не просто традиция - это было таинство. Таинство единения двух людей перед Богом, в котором каждое слово, каждое движение, каждый взгляд имели значение. И, наверное, именно поэтому оно было таким проникновенным: мы оба понимали, слышали каждую молитву, проживали каждое слово не механически, а как обещание, как выбор, как путь. Мне казалось, что в этот момент мир вокруг просто исчезает. Остаемся только мы и что-то большее, что связывает нас навсегда.

Этот день остался на фотографиях - красивых, живых, наполненных светом и любовью. Но куда ярче он остался в памяти. Мы потом еще много лет возвращались к нему, пересматривали альбомы, вспоминали, отмечали эту дату по-особенному, тихо, вдвоем, как будто это был наш маленький личный праздник, понятный только нам.

Но это было потом. А тогда тогда это был настоящий праздник: смех, музыка, поздравления, объятия родных и друзей, и почти в каждом тосте звучало одно и то же: «Какая вы красивая пара». Это было приятно, конечно, но в тот момент это не имело большого значения. Потому что самым важным было другое - как мы смотрели друг на друга, как чувствовали друг друга, как были внутри этого дня.

А потом был наш медовый месяц и Крым.

Сентябрь - еще почти летний, густой от солнца и тепла. Воздух пах нагретым камнем, морской солью и каким-то удивительным ощущением свободы, которое бывает только в приморских городах ранней осенью, когда отдыхающих становится меньше, море спокойнее, а дни словно растягиваются специально для счастья.

Это было наше первое большое путешествие уже как мужа и жены, и внутри от этого все ощущалось по-другому. Даже самые обычные вещи - сборы, чемоданы, дорога, твоя ладонь на моей коленке в машине - вдруг казались частью какой-то новой, настоящей жизни, которая наконец началась.

Мы поселились совсем недалеко от моря. По утрам просыпались от криков чаек и света, который пробивался сквозь тонкие занавески. Ты всегда вставал раньше меня, тихо, осторожно, чтобы не разбудить, а потом возвращался с кофе, еще горячим, пахнущим корицей и морем. Я сонно тянулась к тебе, утыкалась носом куда-то в шею, целовала тебя, а ты смеялся и говорил, что так мы рискуем вообще никогда не выйти из номера.

Днем было море - теплое, прозрачное, ласковое. Горячий песок, который обжигал ступни. Соленая кожа после купания. Ты любил заплывать далеко, а я сначала ругалась, что это опасно, потом все равно плыла следом, потому что рядом с тобой почему-то переставала бояться даже глубины. Иногда мы просто лежали на пляже молча, переплетаясь пальцами, слушая шум волн и лениво наблюдая за людьми вокруг. Иногда много смеялись над какими-то мелочами, случайными фразами, глупыми ситуациями. А иногда разговаривали так долго и откровенно, как будто за эти дни хотели рассказать друг другу еще целую жизнь.

Ночи были такими же жаркими, как и дни. С открытым балконом, шумом моря где-то в темноте, теплыми простынями и ощущением, что между нами окончательно исчезло все лишнее - осторожность, напряжение, страх быть непонятыми. Оставалась только близость. Настоящая. Глубокая. Когда человека чувствуешь уже не только сердцем или телом, а буквально каждой частью себя.

Днем мы ездили по Крыму.

Севастополь запомнился тебе особенно - строгий, сильный, с тяжелой мужской историей. Я помню, как ты менялся там почти незаметно: становился тише, серьезнее, внимательнее. Мы долго гуляли по набережной, смотрели на корабли, и ты рассказывал мне какие-то вещи о службе, о море, о людях, которые я раньше до конца не понимала, но слушала тогда с каким-то особенным чувством гордости за тебя.

Коктебель был совсем другим - расслабленным, творческим, пропитанным солнцем, вином и морским воздухом. Там мы поднимались в горы, сидели вечером у воды, смотрели, как медленно темнеет небо, и ты вдруг сказал, что именно в такие моменты особенно остро чувствуешь жизнь.

А Евпатория... Евпатория почему-то сразу стала для нас особенной. Теплая, уютная, немного сонная. С узкими улочками, старыми балконами, запахом кофе и выпечки по утрам. Мы могли часами просто бродить там без цели держась за руки, заглядывая в маленькие дворики, покупая какие-то совершенно ненужные мелочи и чувствуя себя удивительно счастливыми именно в этой простоте.

Именно там мы нашли кафе «Йоськин кот». Небольшое, живое, с каким-то совершенно домашним теплом внутри. Его держала семейная пара, потомственные евреи, и все там было наполнено их культурой - музыка, старые фотографии на стенах, шутки официантов, меню в виде газеты с забавными комментариями к блюдам. Ты тогда долго смеялся над названиями в меню, а потом с абсолютно серьезным видом заявил, что это место «стратегически идеально для семейного счастья». Мы сидели у окна, пили вино, пробовали какие-то невероятно вкусные блюда, слушали музыку, смотрели друг на друга, и именно тогда у меня впервые появилось

очень ясное ощущение: вот она, моя жизнь. Настоящая. Та, в которой мне спокойно. Хорошо. Правильно.

Потом мы еще много раз возвращались туда спустя годы. И каждый раз казалось, будто вместе с этим кафе нас снова осторожно впускают в тот самый сентябрь - первый месяц нашей семейной жизни.

Это вообще был месяц любви. Без потрясений. Без тяжелых разговоров. Без боли и испытаний. Только ты и я. Смех. Море. Прикосновения. Солнце на коже. Ночные разговоры. Ленивые завтраки. Долгие поцелуи где-нибудь посреди улицы. Ощущение, что впереди целая жизнь, огромная, счастливая, общая.

Многие говорят, что медовый месяц - это пик чувств, после которого любовь становится спокойнее, тише, привычнее. Но сейчас, оглядываясь назад, я понимаю, для нас это было только началом. Потому что потом наша любовь не уменьшалась, она росла и взрослела вместе с нами. Становилась глубже и многограннее. В ней появлялось все больше доверия, понимания, нежности, внутренней близости, той самой настоящей интимности, которая рождается не только из страсти, а из прожитых вместе дней, разговоров, кризисов, поддержки, общей жизни.

Когда мы вернулись домой, все снова вошло в привычный ритм - служба, работа, дом, семейные вечера, заботы, усталость. Но даже внутри этой обычной жизни мы очень старались сохранить главное - нас.

Хотя бы раз в неделю мы обязательно устраивали день только для двоих. Сбегали от дел, от суеты, от обязанностей. Оставляли моего, нет, уже нашего сына маме и снова становились просто мужчиной и женщиной, которые любят друг друга. Иногда это были рестораны. Иногда маленькие поездки. Иногда просто ночь в гостинице в соседнем городе. А иногда, обычная прогулка по вечерним улицам с кофе в руках. Но смысл всегда был один: не потерять то чувство, с которого все началось. И, наверное, именно поэтому даже спустя годы мы по-прежнему умели смотреть друг на друга так, будто все только зарождается.

И как когда-то, год назад, в ноябрьские праздники, одно случайное событие незаметно изменило всю мою жизнь, так и теперь именно на той самой даче, среди знакомого запаха дерева, вечернего дыма от мангала и разговоров друзей на веранде, для нас начинался еще один новый этап.

Сначала я даже не поняла, что со мной происходит. Просто вдруг стало странно плохо, не резко, не болезненно, а как-то непривычно. Закружилась голова, к горлу подкатила тошнота, навалилась слабость. Я попыталась отмахнуться, решила, что устала, перегрелась на солнце или просто не выспалась, но ты заметил все почти сразу.

Сначала просто подошел ближе, коснулся ладонью лба, потом начал задавать вопросы - один за другим, быстро, тревожно. Принес воды, заставил сесть, несколько раз переспросил, точно ли у меня ничего не болит. И в тебе вдруг появилась какая-то совершенно мальчишеская растерянность. Почти испуг. Я почти никогда не болела, и ты словно не понимал, как это исправить, как сделать так, чтобы мне сразу стало лучше.

Я помню, как смотрела тогда на тебя - взъерошенного, напряженного, с этой складкой между бровей - и вдруг внутри очень тихо, почти несмело, появилась мысль. Настолько неожиданная, что я даже сама испугалась ее.

— А вдруг причина совсем в другом? Я только сейчас поняла, что у меня уже на неделю задержка, — осторожно сказала я.

Ты замер буквально на секунду, а потом просто сорвался с места. Даже куртку толком не застегнул. Только на ходу бросил что-то вроде: «Я сейчас», и почти выбежал из дома.

Вернулся ты минут через двадцать - запыхавшийся, растрепанный, с огромным пакетом в руках, в котором было столько тестов, будто ты собирался проверять не меня одну, а половину города.

— Я не знал, какой нужен поэтому взял все, — совершенно серьезно сказал ты.

И от этого я почему-то одновременно чуть не расплакалась и не рассмеялась.

Потом была эта странная тишина. Та самая, в которой время вдруг начинает течь совсем иначе. За окном кто-то смеялся, звенели бокалы, играла музыка, друзья что-то жарили во дворе, а у нас внутри словно образовался отдельный мир - маленький, замерший, полный ожидания. Я помню твой напряженный взгляд. Ты пытался выглядеть спокойным, но не мог усидеть на месте. То вставал, то снова садился рядом, то начинал что-то говорить и тут же замолкал. Брал меня за руку, крепко сжимал пальцы, потом отпускал и снова притягивал к себе. А у меня сердце колотилось так сильно, что казалось, его слышно на всю комнату.

И потом - эти две полоски. Простые. Яркие. Изменившие все.

Наверное, никогда в жизни я не забуду твое лицо в тот момент. Ты сначала просто смотрел на тест, будто не сразу поверил. Потом резко выдохнул, поднял на меня глаза - совершенно ошеломленные, счастливые, живые - и в следующую секунду уже подхватил меня на руки.

Ты кружил меня прямо посреди комнаты, смеялся так громко и искренне, что на шум начали заглядывать друзья, целовал мое лицо, волосы, руки и почти кричал:

— Я стану папой, Господи, я стану папой!

В тебе было столько счастья, что им, кажется, можно было осветить весь дом.

Ты вообще редко позволял себе быть настолько открытым в эмоциях. Обычно сдержанный, собранный, умеющий держать себя в руках, в тот вечер ты словно забыл обо всем. Ходил по комнате с абсолютно невозможной улыбкой, снова и снова обнимал меня, прижимал ладонь к моему животу так осторожно, будто там уже можно было почувствовать целую новую жизнь.

А потом сразу начал звонить всем подряд. Родителям. Брату. Моей сестре. Я пыталась тебя остановить, смеялась сквозь слезы:

— Сережа, подожди нужно сначала к врачу убедиться.

Но тебя было уже невозможно остановить. Ты был счастлив так, как, наверное, не был никогда прежде.

И именно тогда я впервые особенно ясно поняла одну очень простую вещь: тебя не пугало будущее. Наоборот, ты шел ему навстречу с распахнутым сердцем. Семья, ребенок, дом, наша общая жизнь - все это не ограничивало тебя, не лишало свободы, а делало по-настоящему живым.

Позже, уже ночью, когда дом наконец затих, когда друзья разошлись спать, а мы остались вдвоем в полумраке комнаты, ты вдруг очень долго молчал, просто обнимая меня. А потом тихо сказал куда-то мне в волосы:

— Знаешь, мне кажется, я только сейчас до конца понял, что такое настоящее счастье.

И у меня тогда снова защипало глаза от слез. Потому что в тот момент слово «навсегда» перестало быть мечтой, обещанием или красивой надеждой. Оно вдруг стало нашей реальностью.

И в радости, и в горе

Жизнь не остановилась. Она вообще не умеет останавливаться, даже тогда, когда внутри все замирает от страха, надежды или ожидания.

Закрутились будни. Но теперь они были совсем другими - наполненными новым смыслом, новой осторожностью и каким-то тихим счастьем, о котором страшно говорить слишком громко, будто одно неосторожное слово может его спугнуть. Наши дни вдруг начали измеряться не встречами, поездками или планами, а неделями беременности, анализами, датами приемов, результатами обследований.

Первые визиты к врачу я помню особенно ясно. Длинные светлые коридоры женской консультации. Запах лекарств и антисептика. Женщины с округлившимися животами, сидящие в очереди. Чьи-то тихие разговоры, шуршание бахил, папки с документами в руках. И ты рядом. Всегда рядом.

Я до сих пор не понимаю, как тебе удавалось вырываться со службы, менять графики, отпрашиваться, договариваться, только чтобы сидеть рядом со мной под дверью кабинета, держать за руку во время ожидания или сразу первым подниматься навстречу врачу с этим своим напряженным взглядом: «Ну что? Все хорошо?».

Ты относился ко всему с такой серьезностью, будто уже сейчас отвечал не только за меня, но и за целую маленькую жизнь внутри меня. В тебе появилась какая-то особенная забота, очень тихая, почти невидимая со стороны, но настолько постоянная, что я ощущала ее физически. Ты начал следить, чтобы я вовремя ела, чтобы не поднимала тяжелое, чтобы не уставала. Мог среди дня внезапно позвонить только затем, чтобы спросить, пообедала ли я. Вечерами укрывал меня пледом, приносил чай, заставлял раньше ложиться спать. А иногда просто подходил сзади, осторожно обнимал ладонями мой пока еще совсем плоский живот и на несколько секунд замирал. Словно пытался почувствовать там наше чудо. Нашего ребенка.

Все анализы были хорошими. Врачи говорили спокойно, уверенно, без тревоги. Единственное, что их насторожило, разный резус-фактор: у тебя положительный, у меня отрицательный. Нам долго что-то объясняли про риски, наблюдение, антитела, но при этом сразу добавляли, что такое бывает часто, что медицина давно умеет это контролировать и поводов для паники нет. И мы верили, потому что все действительно вроде шло хорошо.

Я уже начинала ощущать себя иначе. Тело постепенно менялось, пока почти незаметно для других, но очень ощутимо для меня самой. Грудь становилась чувствительной, по утрам иногда подташнивало, появились странные новые реакции на запахи. Иногда я просыпалась среди ночи и просто лежала, положив ладонь на живот, с каким-то совершенно необъяснимым чувством внутри. Это было не просто знание о беременности. Это было ощущение зарождающейся жизни. Нашей. Общей. Иногда от счастья становилось даже страшно. Слишком сильно хотелось сохранить это.

Тот вечер был самым обычным. Наверное, именно поэтому все случившееся потом до сих пор кажется таким невозможным. Мы были дома. Уставшие после рабочей недели. Ты что-то рассказывал мне за ужином, кажется, какую-то смешную историю со службы, а я смеялась и одновременно пыталась не уснуть прямо за столом. Потом мы смотрели фильм, который так и не досмотрели до конца, потому что я задремала у тебя на плече. Все было спокойно и правильно, по-домашнему. Мы уснули в обнимку, как всегда.

И вдруг среди ночи - боль. Такая резкая, острая, чужая, что я проснулась с ощущением, будто внутри меня что-то разрывается. Я помню темноту комнаты. Твой испуганный голос. То, как ты резко сел рядом, мгновенно проснувшись, начал спрашивать, что болит, где болит, пытался включить свет дрожащими руками. И в памяти потом осталась только одна деталь,

слишком четкая, чтобы забыть: кровь на простыне и эта боль, которая разливалась по всему телу, захватывая все пространство внутри.

Потом была темнота - провал, в котором время перестало существовать.

А ты потом рассказывал, как все было: как подхватил меня в панике, как нес на руках, как почти не чувствовал дороги, когда вел машину по ночному городу, как повторял одно и то же, будто заклинание, «только держись только держись», как говорил со мной, даже когда я уже не отвечала, как боялся не успеть, как внутри у тебя все рушилось вместе с каждым километром.

А для меня все оборвалось в одной точке. Операционная. Свет. И голос врача, спокойный, ровный, почти будничным, как будто он говорит о чем-то, что уже давно известно миру: «Выкидыш. Так бывает». И именно это спокойствие оказалось самым жестоким. Потому что мир внутри меня в этот момент не просто изменился - он рухнул полностью, без остатка, без возможности за что-то зацепиться, как будто у меня просто забрали будущее, которое я уже успела почувствовать.

Это была первая настоящая боль - та, которую невозможно сравнить ни с чем другим, после которой человек уже никогда не остается прежним, даже если очень старается. Первая бездна, в которую нам еще предстояло падать снова и снова, но тогда она казалась самой глубокой, самой черной, окончательной.

Мы плакали. Вместе. Я впервые видела твои слезы. И это было страшнее всего. Потому что ты всегда был сильным, собранным, тем, на кого можно опереться, а тут ты сидел рядом и плакал, не скрывая, не отворачиваясь, и в этом было что-то почти невыносимое - потому что в тебе, таком сильном, вдруг прорвалось очень глубокое и очень раненое. Я понимала, как в этот момент в тебе снова поднимается тот самый страх, что ты можешь никогда не стать отцом. И это было несправедливо до боли, до злости, до какого-то бессилия перед судьбой, которая умеет бить в самое больное место лучше всякого спортсмена.

И я винила себя. Винила за то, что мой организм оттолкнул, отверг ребенка, как что-то чужое. На языке врачей это называлась резус-конфликт, а в моей душе эти слова складывались в огромную вину за потерянное счастье.

Но нам нужно было это пережить. И мы пережили. Не по отдельности - вместе. Эта боль не разорвала нас, не развела в стороны. Наоборот, мы как будто еще сильнее вцепились друг в друга, пытались удержаться, не упасть, найти воздух, смысл, возможность жить дальше. Мы учились заново дышать, жить, смотреть вперед, даже когда внутри все еще было пусто.

Надежда вернулась не сразу. Сначала были месяцы, тяжелые, изматывающие, наполненные врачами, обследованиями, анализами, бесконечными разговорами и попытками понять, что пошло не так. Мы искали лучших специалистов, задавали вопросы, ждали ответов. И постепенно, очень медленно, появился маленький лучик: все возможно, но нужно время, лечение, восстановление.

И мы снова начали верить - осторожно, тихо, почти боясь этого чувства. Но этот период все равно остался одним из самых тяжелых. Потому что слова, которые мы когда-то произносили в храме - «и в горе, и в радости» - вдруг перестали быть словами. Они стали реальностью. Первым настоящим испытанием нашей любви. И мы его выдержали. Остались вместе. Это было самое важное.

Но жизнь, как оказалось, не закончила нас проверять. Через полгода все повторилось. Почти также страшно. Так же неожиданно. И еще большее. Как страшный сон, от которого уже не просыпаешься. Потому что теперь мы знали, что это такое. И, несмотря на лечение, несмотря на контроль, несмотря на всю осторожность, внутри все равно жило это чувство тревоги, которое не уходило ни на день. И когда все снова рухнуло, это было как удар в уже открытую рану. Все повторилось: кровь на простыне, больница, операция и сухое «Так бывает».

Мы снова держались друг за друга, снова не давали упасть, но внутри что-то изменилось. Появилась тишина - тяжелая, вязкая. В воздухе повисло горе. И впервые рядом с нами появи-

лось слово «смерть» - не как абстракция, а как часть нашей жизни, в которой стало слишком мало воздуха.

Тот год был страшным и стал для нас очень сложным. Снова врачи. Снова анализы. Снова попытки. И в какой-то момент мы оба поняли одно и то же - еще одну такую потерю мы не выдержим.

Мы сказали это вслух и остановились. Наши чувства не разрушились, но прошли через очень жестокое испытание, почти как через огонь. И мы вышли оттуда не сломанными, но израненными, и, странно, даже более сильными. Как будто прошли через очищение, болезненное и оставляющее шрамы. Вышли уставшими, но почему-то еще более близкими. Это стало заметно не сразу. Сначала была только тишина, тяжесть, боль, которая никуда не уходила. Но со временем она начала меняться, становиться тише, глубже, и уже не разрушала, а как будто встраивалась в нас, становясь частью того, кем мы стали. Она перестала быть раной и стала памятью.

Так прошел 2012 год, и наступил 2013. После праздников жизнь снова наполнилась обычными заботами - экзамены в девятом классе у сына, его переживания, подготовка, вся эта школьная суета, в которую мы оба погрузились почти с облегчением, как будто это помогало снова почувствовать почву под ногами. Мы действительно переключились на это, и, как ни странно, это немного вытащило нас из той темноты, в которой мы жили.

Все действительно шло спокойно и даже немного предсказуемо. Школа, обычные семейные вечера, редкие поездки за город, служба - жизнь будто наконец научилась течь ровно, без новых ударов. Впереди у него оставалось еще два года школы, и мы тогда совсем не думали о каких-то больших переменах или о том, куда Влад хочет поступить после школы. Но однажды вечером все изменилось.

Мы сидели втроем на кухне. Ты что-то разбирал в телефоне, сын рассказывал про занятия и вдруг совершенно спокойно, без пафоса, без подростковой бравады, сказал:

— Я решил, что хочу поступать в военный институт.

Я тогда даже замерла с кружкой в руках и автоматически переспросила:

— Серьезно? Почему именно в военный?

Он только пожал плечами, а потом посмотрел прямо на тебя и добавил уже тише, но очень твердо:

— Я хочу быть таким, как папа.

В комнате вдруг стало очень тихо. Я помню твой взгляд в тот момент - ты будто сначала не поверил, а потом в глазах появилось что-то такое очень живое. Что-то, чего я давно в тебе не видела. Не удивление, не гордость даже, что-то более значимое. Как будто внутри тебя снова затеплился огонь.

Ты усмехнулся, пытаясь скрыть эмоции, и хрипло спросил:

— Ты хоть понимаешь, что это не кино и не красивые погоны?

— Понимаю, — ответил он неожиданно серьезно. — Просто я хочу быть мужчиной, как ты, папа...

И вот тогда я впервые увидела, как ты растерялся. Ты всегда умел не показывать эмоции, принимать решения, держать себя в руках, но в тот момент в тебе будто что-то дрогнуло. Ты отвернулся к окну, провел ладонью по затылку и только через несколько секунд тихо сказал:

— Ну тогда придется много пахать, сын.

Сын.

Ты произнес это совершенно естественно, будто это слово жило между вами уже давно. И у меня внутри в ту секунду что-то болезненно сжалось от счастья.

После этого вы стали проводить вместе еще больше времени. Тренировки, разговоры, какие-то ваши мужские дела, в которые меня почти не посвящали. Иногда я замечала, как вы сидите поздно вечером на балконе - молча, с чаем в руках, о чем-то разговариваете вполголоса.

Иногда слышала обрывки фраз про честь, ответственность, службу, про то, каким должен быть мужчина. И сын слушал тебя так внимательно, как слушают только тех, кого по-настоящему уважают.

А потом однажды вы позвали меня на кухню с такими серьезными лицами, что я сначала испугалась.

Ты спокойно подвинул мне чашку с чаем и сказал:

— Мы тут все решили.

Я сразу прищурилась:

— Вы меня уже пугаете.

Сын нервно усмехнулся, а ты продолжил все тем же ровным голосом:

— Он хочет взять мою фамилию. И я хочу оформить все официально.

Я тогда просто смотрела на вас и молчала, потому что в горле мгновенно встал ком. А сын вдруг добавил очень тихо, почти смущенно:

— Ты не подумай, у меня отец есть. Ну биологически. Но папа у меня все равно он.

И кивнул на тебя.

Наверное, именно в этот момент я едва не расплакалась сильнее всего за последние годы. Потому что такие вещи невозможно сказать просто так. Невозможно заставить ребенка назвать чужого мужчину отцом, если этого нет по-настоящему. Это либо происходит сердцем, либо не происходит никогда.

Но прежде, надо было еще получить все необходимые документы от биологического отца. Позже я пыталась расспрашивать тебя, как ты вообще смог договориться с моим бывшим мужем. Потому что я слишком хорошо знала его характер и понимала, что просто так он бы на это не согласился, обязательно бы что-то просил взамен. И это было не про отцовскую любовь с его стороны, он мало всегда и общался, и интересовался в принципе жизнью сына после нашего развода. Скорее, он везде искал свою выгоду и здесь наверняка бы ее не упустил.

— Что ты ему сказал? — спрашивала я снова и снова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.